

Из истории управления

Ганин А.В.

Советская военная разведка в Грузии в 1920–1921 годах. Миссия Павла Сытина*

Ганин Андрей Владиславович — кандидат исторических наук, редактор отдела военной истории российского исторического журнала «Родина»; старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.
E-mail: andrey_ganin@mail.ru

Аннотация

В статье на основе впервые вводимых в научный оборот материалов грузинских и российских архивов прослежена история советской военной миссии П.П. Сытина в Грузии в 1920–1921 годах и ее разведывательная деятельность с момента прибытия миссии в Грузию и до начала советизации этой страны. Рассмотрены организация и ведение разведки, разведывательное освещение событий в белом Крыму, антибольшевистского повстанческого движения на Северном Кавказе, политики стран черноморского бассейна, международных отношений.

Ключевые слова

Грузия, Гражданская война, П.П. Сытин, военная разведка.

В начале 1920 года Красная армия завершала разгром белых на Северном Кавказе и приближалась к границам государств Закавказья. На повестку дня выходили вопросы построения взаимоотношений РСФСР с Азербайджаном, Арменией, Грузией. Советское правительство не питало иллюзий относительно отношения руководства этих государств к РСФСР. Тем не менее к 1920 году относится установление дипломатических отношений РСФСР с Арменией и Грузией. Самостоятельной задачей являлась организация военной разведки в Закавказье, особенно с учетом того, что Грузия служила местом интернирования остатков белых армий Юга России. Кроме того, из Закавказья можно было черпать информацию о положении в Турции, Персии, на Балканах, что было принципиально важно для советской внешней политики и стратегии того периода.

7 мая 1920 года был подписан советско-грузинский договор, создавший правовую базу для установления дипломатических отношений, включая и военно-дипломатические. Советским военным представителем в Грузинской демократической республике был назначен опытный генштабист бывший Генштаба генерал-майор Павел Павлович Сытин (18.07.1870–22.08.1938), известный советскому руководству как

---

* Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 14-31-01258a2 «Русский офицерский корпус на изломе эпох (1914–1922 гг.)». Выражаю благодарность директору Центрального исторического архива Грузии А.Д. Вачарадзе и сотруднику Национального архива Грузии Н.Ю. Гладченко за помощь в работе.

командующий Южным фронтом РСФСР в 1918 году (тогда с ним вступил в конфликт член Революционного военного совета (РВС) фронта И.В. Сталин). С конца 1918 года Сытин фактически был устранен от активной работы, занимая второстепенный пост и. д. начальника военно-административного отдела управления делами Революционного военного совета республики (РВСР). Однако в 1920 году о нем вспомнили и командировали на ответственную военно-дипломатическую службу на одном из наиболее значимых направлений.

Институт советских военных атташе тогда только зарождался; лишь 3 июня 1920 года РВСР утвердил инструкцию военным представителям РСФСР за границей, согласно которой сведения надлежало добывать из иностранной литературы, периодической печати, агентурным путем и непосредственным наблюдением¹. В 1920 году советские военные представители были направлены не только в Грузию, но и в Армению, а также в прибалтийские государства. Командированные были выпускниками Николаевской военной академии².

Целостные архивы первых советских военных атташе до сих пор неизвестны. Однако в Национальном архиве Грузии сохранился архивный фонд советского военного представителя в Грузии, полученный в 1922 году из комиссии Коминтерна. Материалы архива позволяют реконструировать основные направления деятельности советского военного атташе и историю советской военной разведки в Грузии. К этому можно добавить, что ряд документов Сытина хранится в фонде военного министерства Грузинской демократической республики. Не удалось обнаружить документов об аресте бывшего генерала в период советско-грузинской войны, хотя материалы его дела были бы чрезвычайно важны для освещения данной темы.

История советской военной разведки в Грузии в 1920–1921 годах до сих пор никем систематически не изучалась. Фрагментарно публиковался и цитировался лишь один из ярких докладов Сытина, в котором он предлагал осуществить расчленение Грузии и усилить русское присутствие в Закавказье³. Однако этот доклад составляет лишь незначительную часть документации советской военной миссии.

¹ Север А., Колтакиди А. ГРУ. Уникальная энциклопедия. М., 2009. С. 124.

² В Латвию был направлен Ф.Л. Григорьев, в Литву — А.К. Колленковский (помощник — А.Ф. Васильев), в Армению в качестве помощника военного представителя А.А. Бобрищев (Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 6. Оп. 4. Д. 937. Л. 13).

³ Гамахария Ж., Гогия Б. Абхазия — историческая область Грузии. Историография, документы и материалы, комментарии. С древнейших времен до 30-х годов XX века / Под ред. Т. Мибчуани. Тбилиси, 1997. С. 470–472. Вполне объективные доклады Сытина даже в наши дни вызывают резкое неприятие грузинских авторов, проявляющееся в том числе в крайне пристрастных комментариях к публикуемым документам. В качестве комментария к публикации фрагментов доклада Сытина о мерах

В основном архив Сытина представляет собой отпуски его докладов и переписку периода 1920–1921 годов. Доклады Сытина были адресованы начальнику Полевого штаба РВСР П.П. Лебедеву, народному комиссару иностранных дел Г.В. Чичерину, начальнику Регистрационного управления Полевого штаба РВСР Я.Д. Ленцману и в РВСР, копии направлялись советским полномочным представителям в Грузии С.М. Кирову и (с сентября 1920 года) А.Л. Шейману, советнику полпредства Л.Н. Старку и первому секретарю Одоевскому. Копии докладов о смежных с Грузией районах фронтов и армий РККА отсылались в соответствующие Реввоенсоветы. Из Тифлиса связь осуществлялась по телеграфу и посредством отправки донесений.

Всего с 22 июня по 31 декабря 1920 года Сытин сумел подготовить не менее 277 докладов, а за 1921 год известны 25. Таким образом, всего было составлено более 300 докладов. Судя по объему донесений, Сытин готовил информацию практически ежедневно. В некоторые дни составлялось по несколько докладов. В основном, доклады пронумерованы — делопроизводство Сытин вел аккуратно, однако есть и 18 не пронумерованных докладов. Не сохранились в архиве доклады № 29 (о грузинской армии), 177, 196, 201, 202, 203, 269. Доклады за 1921 год сохранились фрагментарно и только за период с 22 по 30 апреля 1921 года (№ 14, 18, 19, 20, 21, 23, 24, 25). Эти документы относятся уже к периоду после советизации Грузии, когда вести тайную разведку Сытину более не требовалось. Все они, кроме доклада № 14, адресованы начальнику Региструпра. Вероятно, направлявшиеся Сытиным материалы хранятся также и в Москве в документации Полевого штаба РВСР и Региструпра⁴.

«локализации опасности от грузинского шовинизма», датированного 22 апреля 1921 года, в работе грузинских авторов отмечено, что Сытин «отправил в Москву еще несколько докладов с клеветой на грузинский народ» (Там же. С. 788). В том, что на самом деле никакой клеветы в этих документах не содержится, читатели могут убедиться из настоящей публикации.

⁴ Ставя перед собой задачу изучения деятельности советской военной разведки в Грузии, автор этих строк сознает всю сложность, обширность и многообразие данной темы в различных ее аспектах, невозможность всестороннего и подробного освещения этих аспектов в рамках первой работы по истории советской военной разведки в Грузии. В нашем очерке основное внимание уделено истории создания и организации работы советского военного представительства в Грузии, ключевым направлениям его деятельности, противоборству со спецслужбами Грузии и других государств или государственных образований (белого Крыма), освещению советским военным представительством вопросов устройства вооруженных сил Закавказья и разведывательному освещению Русской армии Врангеля, разведывательному обеспечению советизации Грузии и предложениям советского военного представителя относительно дальнейших путей развития Закавказья и интеграции региона с Россией. Приоритетное внимание уделено данным, которые получались по агентурным каналам, а не из открытых источников. Существенно меньше нас интересовало основанное, прежде всего, на обзорах печати и данных телеграфных агентств освещение советским военным представителем положения в других государствах Европы и Азии, чему также посвящено большое количество докладов военного атташе. Помимо этого представляется перспективным дальнейшее углубленное изучение северокавказского направления деятельности советского военного представительства в Грузии и сопоставление данных, полученных представительством, с реальной картиной повстанческой и подпольной борьбы в северокавказском регионе.

В докладе № 1 от 22 июня 1920 года Сытин описал свое прибытие в Грузию. В 0 часов в ночь с 3 на 4 июня 1920 года поезд с представителями дипломатической миссии С.М. Кирова и сотрудниками комиссии Л.И. Рузера по контролю за выполнением условий мирного договора (комиссия о военных гарантиях) отбыл из Москвы на Кавказ. В этом поезде ехал и Сытин. 12 июня поезд прибыл во Владикавказ. В штабе 10-й армии Сытина информировали относительно положения дел на Кавказском фронте и политического положения в Грузии. Однако обещанного Сытину в качестве помощника генштабиста В.Н. Чернышева предоставлено не было, поскольку этого военспеца такое назначение не устраивало и его об этом не осведомляли. Впоследствии распоряжением РВС 10-й армии Чернышев был назначен в распоряжение Рузера, в комиссии которого состоял. Далее до Тифлиса добирались на машинах.

В том же докладе Сытин жаловался на отсутствие сотрудников для работы. Дело в том, что помимо основной работы на Сытина оказалась возложена деятельность члена комиссии Рузера. Сытин просил командировать в его распоряжение одного генштабиста и своего бывшего секретаря С.С. Астахова, что позволило бы значительно увеличить продуктивность работы. По свидетельству Сытина, в Тифлисе многие хотели устроиться в военное представительство, но он опасался принимать на службу неизвестных лиц. «Учить первых встречных у меня нет времени», — сообщал он в центр⁵.

14 июля, по итогам первого месяца работы, Сытин отметил: «Месячный опыт моей работы в Тифлисе выяснил следующее.

Вся работа может быть разделена на три части.

1. Сбор сведений о Крыме, Малой Азии (Мустафа Кемаль паша), Армении и Персии.

2. Сбор сведений о работе контрреволюционных сил, стремящихся поднять восстание в пределах Северного Кавказа и

3. Сбор сведений, указанных данной Вами мне «Инструкцией».

С присоединением к Грузинской Демократической Республике Батума работа моя может значительно расшириться и стать много продуктивнее, так как можно будет непосредственно войти в связь с Крымом и Константинополем.

Сбор сведений о работе контрреволюционных организаций, которым покровительствует грузинское правительство, требует наличия надежных и умелых сотрудников и достаточное количество денежных средств.

---

⁵ Центральный исторический архив Грузии (далее — ЦИАГ). Ф. 1874. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

Исполнение данной мне Инструкции также требует присутствия достаточного количества работников, особо военных специалистов.

На самом же деле мне в данное время работать приходится вдвоем — я и мой помощник тов. Граник и к тому же не специалист военного дела. Состоящий при мне тов. Молотов собирается в ближайшем будущем уехать к прежнему месту служения в распоряжение тов. Коренева и, таким образом, нам двоим придется вести эту обширную работу.

Отнюдь не жалуясь на трудность работы, я еще раз хочу Вас просить — откликнуться на мои просьбы о высылке мне возможно скорее одного сотрудника Генштаба, но только молодого, энергичного, надежного, которому я бы мог давать командировки и который бы мог справляться с данными ему задачами. Кроме того, у меня нет сотрудника, который бы мог вести всю переписку по канцелярии и для этой цели я еще раз прошу командировать бывшего моего секретаря С.С. Астахова, который однажды уже получил Ваше приказание и предписание, но почему-то был не пропущен Ком[иссариатом] Иностр[анных] Дел, по-видимому, без всяких основательных причин.

Отсутствие у меня автомобиля, который числится у меня только в штатах на бумаге, не дает мне возможности черпать сведения лично по собственным наблюдениям, не дает мне возможности посещать районы Грузии, что иногда бывает прямо необходимо.

Вот главные мои нужды, которые я прошу Вас удовлетворить в первую очередь. Кроме того, мне желательно получить от Вас извещение — удовлетворены ли Вы моими сообщениями или требуется что-либо новое, в последнем случае прошу указаний»⁶.

С самого начала у военной миссии возникли трудности с финансовым обеспечением. РВС 10-й армии, являвшийся последним крупным советским военным органом, через который прошли члены миссии перед прибытием в Грузию, отказал Сытину в обмене советских рублей на грузинские. Опасаясь хранить в кармане большую сумму казенных денег, Сытин сдал советские деньги в тифлисское отделение московского народного банка и взял ссуду в 50 000 грузинских рублей. Советская дипломатическая миссия тоже не имела средств, поэтому Сытин просил центр о денежных переводах в грузинских рублях. Жизнь в Тифлисе в 1920 году отличалась дороговизной при изобилии всего, что усугубляло положение советских работников, прибывших из голодной РСФСР. Еще одной проблемой оказалось то, что штат

---

⁶ ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 6. Л. 10–10об.

представительства утвержден не был. Сытина это ставило в неудобное положение перед сотрудниками, которые в любой момент могли оказаться не у дел⁷.

В дальнейшем положение миссии продолжало оставаться непростым. В своем докладе № 91 от 14 сентября 1920 года Сытин сообщал С.М. Кирову и П.П. Лебедеву, что в Москве готовился новый, значительно сокращенный (в сравнении с прежним, утвержденным заместителем председателя РВСР Э.М. Склянским) штат военного представительства в Грузии. По данным Сытина, будущий штат предусматривал только трех сотрудников (в том числе письмоводителя-машиниста), помимо самого военного атташе.

Стремясь избежать сокращений, Сытин докладывал: «У меня в данный момент состоят помощник, сотрудник для поручений, секретарь и два письмоводителя, т. е. пять человек. Фактически ответственную работу несут кроме меня трое, двое других печатают с утра до ночи на машинках и исполняют остальную канцелярскую работу. Мне и сотрудникам моим приходится заниматься сбором всех необходимых сведений не только в Тифлисе, но и в других городах Грузии. Все сведения приходится добывать и проверять самим, что связано с постоянными разъездами и отсутствием из Тифлиса, то есть с места работы, одного или двух сотрудников. Необходимо также принять к сведению ежедневные приемы в Тифлисе лиц с просьбами, за справками, которые в изобилии посещают военное представительство и которых необходимо удовлетворять. Сбором всех сведений, получаемых от осведомителей, занимаюсь я и мой помощник, остальные мои сотрудники работают по сбору сведений из периодической печати. Таким образом, я принужден засвидетельствовать перед Вами, что мои сотрудники без дела не сидят и работа их захватывает на целые дни и часто ночи. По справедливости должен доложить, что [о] вопрос[е] об уменьшении штата военного представительства не может быть и речи. Напротив, развивающаяся работа требует немедленно приглашения хотя бы еще одного сотрудника для поручений. Я уже в докладе Вам от 14 июля за № 53 просил обратить Ваше внимание на отсутствие у меня при военном представительстве автомобиля, который необходим ежедневно и постоянно, теперь снова ходатайствую об отпуске мне автомобиля натурой или в крайнем случае об отпуске денег на покупку такового в пределах Грузии, причем сообщаю, что цены здесь невероятно высокие (1 500 000 руб.) и весьма трудно будет приобрести автомобиль.

Относительно расхода денег на нужды особого назначения я хочу доложить следующее.

---

⁷ ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 1. Л. 3об.

Кредит мне открыт тов. С.М. Кировым из средств его представительства. Но, не имея от Вас определенных указаний на этот счет, я очень осторожно занимался расходом денег в этом направлении и, конечно, очень часто это обстоятельство, если не вредило общему делу, то, несомненно, ограничивало приток ценных сведений. Я считаю необходимым развить дело военной разведки в указанном направлении возможно больше и установить в Грузии и в смежных с нею странах постоянных осведомителей на роли резидентов, давая им военные задачи, быстро получая от них информации и ценные в военном отношении сведения, а, главное, имея возможность Вас осведомить своевременно. Примером этому может служить следующий факт. Не имея постоянного осведомителя в Крыму, я не имел возможности предупредить Вас о готовящемся десанте в районе Кубани заблаговременно и, хотя все же удалось мне сообщить об этом Вам за неделю до высадки противника, тем не менее, я чувствовал, что это можно было бы сообщить много раньше, если бы в Крыму был свой человек.

Я за это время познакомился с работой в этом направлении наших полевых штабов и откровенно должен сказать, что эта работа никуда не годится. Посылаются люди, совершенно не сведущие, без определенных инструкций и задач. И, несмотря на то, что подобные посылки обходятся очень дорого, никаких ценных сведений эти осведомители не дают, а если что и привозят, то всегда с большим опозданием. Из своего кратковременного пребывания в Тифлисе я убежденно могу сказать, что здесь за деньги все можно сделать и все сведения можно получать — вопрос только в отпуске денег. Можно не только иметь осведомителей от себя, но и получить осведомителей, занимающих сейчас в Грузии ответственные посты.

Затем должен добавить еще следующее. Являясь военным представителем в Тифлисе, я тщательно обходил знакомства с представителями заинтересованных нами стран, как то англичан, французов, итальянцев и пр. Конечно, знакомство с ними могло бы дать солидный материал для дела, тем более, что я беспартийный, и они, конечно бы, со мной держали себя иначе, чем, положим, с нашими партийными товарищами. Но для этой цели мало было ограничиться официальными визитами, пришлось бы поддерживать постоянную связь, но это сделать никак нельзя по многим причинам, из коих то положение, что я с женой живу в одной комнате, не допускает и мысли заводить какие-нибудь знакомства, хотя бы и делового характера. Кроме того, на это нужны средства, а их нет. Я лично ежедневно хожу сам по лавкам по утрам и покупаю все необходимое для своего существования.

Грузины, как и все восточные элементы, очень подозрительны, разведка и сыск у них поставлены великолепно, они за каждым нашим шагом следят по пятам, и, зная это, приходится вести работу, памятуя, что нельзя давать ни одного промаха.

Нынешняя бешеная дороговизна в Тифлисе создает все более и более тяжелую обстановку для работы, поэтому я считаю своим долгом обратить Ваше внимание на обеспечения моих сотрудников денежным довольствием и считаю, что в основу выдачи окладов содержания должен быть поставлен либо Тифлисский минимум прожития или средний минимум содержания, получаемый сотрудниками иностранных миссий в Тифлисе»⁸.

Наряду со сбором информации Сытин как военный эксперт участвовал в работе русско-грузинских комиссий. По занятии грузинскими войсками нейтральной зоны Сухумского округа полпредство РСФСР в Грузии было уполномочено войти в состав смешанной пограничной комиссии, председателем которой со стороны России являлся представитель РСФСР П.П. Сытин, членом начальник штаба 9-й армии Генштаба В.Н. Чернышев или лицо, уполномоченное РВС⁹. Сытин состоял и в смешанной русско-грузинской комиссии о военных гарантиях, образованной в связи с заключением мирного договора. Первое заседание этой комиссии прошло 26 июня 1920 года¹⁰. Переговоры касались интернированных белых, которых красные хотели запретить использовать против них, а также старались получить имущество белых¹¹. В ходе переговоров Сытин доказывал, что Грузия не вела войну с белыми (российская делегация утверждала, что имел место вооруженный нейтралитет Грузии¹²), вопреки заявлениям грузинской стороны, а происходили лишь пограничные стычки. Эти доводы были важны для определения статуса белых в Грузии не как военнопленных, а как интернированных. То же касалось и военного имущества, которое при отсутствии войны не могло считаться трофейным и подлежало возврату России (в данном случае Советской). Свою позицию Сытин аргументировал историческими примерами, когда то или иное государство держало армию на границе, но войну с соседями не вело (в пример

---

⁸ ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 2. Л. 26об.–27об.

⁹ ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 9. Л. 3.

¹⁰ Председателем российской делегации был Л.И. Рузер (в октябре 1920 года его сменил Л.Н. Старк), членами: генштабисты П.П. Сытин и В.Н. Чернышев и военмор К.А. Бенкендорф. Грузинскую делегацию возглавлял С.Г. Мдивани, а ее членами были Генштаба генерал А.С. Андронников и военный инженер Г.К. Такайшвили. Еще один член делегации, Генштаба полковник Н.К. Гедеванов, не принимал участия в работе из-за болезни. Секретарем российской делегации был В.Н. Иванов, секретарем грузинской делегации — Г.А. Жгенти.

¹¹ ЦИАГ. Ф. 2030. Оп. 1. Д. 1. Л. 13, 33.

¹² Там же. Л. 71об.

приводилась Дания в Первую мировую войну)¹³. Заседания комиссии продолжались летом — осенью 1920 года, причем переговоры затянулись из-за упорства сторон, а присутствовавшие в составе каждой делегации генштабисты использовались сторонами как своего рода ходячие энциклопедии по военным вопросам.

Практически с первых дней работы представительства Сытин стал подробно информировать Москву о событиях в Грузии и вокруг нее. 22 июня 1920 года им был составлен доклад № 2 о положении интернированных грузинскими властями деникинцев в Поти и Тифлисе. Вопрос этот был чрезвычайно актуален в связи с тем, что остатки белых войск, оказавшиеся в Грузии, перебрасывались в Крым к Врангелю. Сытин отмечал крайне тяжелое положение интернированных белых — в Грузии они не могли получить работу и голодали, при этом их заманивали во врангелевскую армию порой обманным путем, под предлогом отъезда в Болгарию и другие страны, а в результате попавшиеся на эту приманку оказывались в Крыму. Некоторые бывшие белогвардейцы приходили на прием в советское военное представительство и просили денег в долг. Как отмечал Сытин, бывшие белые боялись уезжать в Советскую Россию, поскольку считали, что будут расстреляны, а к постановлениям об амнистии относились недоверчиво. Более того, многие, опасаясь ареста и депортации в Россию, уехали из Грузии с прибытием туда миссии Сытина.

Сытин не просто информировал центр о происходящем, но предлагал принимать действенные меры, чтобы лишить армию Врангеля этого источника пополнения. Задача была вполне реальной. По замыслу Сытина, можно было открыть для интернированных бесплатную столовую. Бывший генерал отмечал: «Необходимо их тотчас же всех взять на учет (хотя бы неофициальный), проверить их, отсортировать надежных, честных от авантюристов и предателей и, конечно, можно быть вполне уверенным, что это обойдется дешевле нашему Правительству, чем какой-либо другой способ, а главное сердечное участие Советской власти к этим несчастным произведет решительный переворот в их ориентации, и даст нам много честных и работоспособных сотрудников»¹⁴. Сытин в меру своих скромных возможностей лично пытался помочь интернированным белым, однако для оказания полноценной помощи требовались средства, которых у миссии не было.

По оценкам советского военного представителя, в Грузии оказались интернированы группа генерала И.Г. Эрдели в 6 000 человек, группа генерала

---

¹³ ЦИАГ. Ф. 2030. Оп. 1. Д. 1. Л. 14об.

¹⁴ ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 1. Л. 4об.

Д.П. Драценко в 6 000–7 000 человек, части Донской и Кубанской армий и части генерала А.Г. Шкуро неизвестной численности¹⁵. В октябре 1920 года Сытин даже командировался в Сухумский округ для переговоров в связи с интернированием казаков¹⁶.

Постепенно Сытин совершенствовал качество осведомительной работы. Так, в весьма секретном докладе № 3 от 22 июня 1920 года, адресованном С.М. Кирову, Л.И. Рuzеру, в РВС 10-й армии и РВС Кавказского фронта, он передавал информацию о положении белых, полученную от перебежчиков: описывал катастрофическую новороссийскую эвакуацию, сообщал данные о Русской армии в Крыму, писал об ужесточении дисциплины у белых в сравнении с деникинским периодом¹⁷. 26 июня был составлен доклад № 5, направленный начальнику Полевого штаба РВСР. В документе приводились списочные данные командного состава армии Врангеля, в том числе данные о высокопоставленных офицерах-генштабистах.

Отслеживал Сытин и переброски белых из Грузии в Крым¹⁸, а также положение в самом Крыму. Данные об обстановке в белом лагере не отличались высокой точностью, включали как достоверную информацию, так и вымысел, несмотря на использование агентуры (судя по документам, видимо, не в самом Крыму, а среди белых, находившихся в Грузии). В частности, Сытин сообщал о монархическом заговоре в Крыму и о том, что генерал И.Г. Эрдели отдан под суд за злоупотребления, в качестве отголоска данных об имевшем место выступлении капитана Н.И. Орлова сообщал об арестах в Крыму офицеров во главе с герцогом С.Г. Лейхтенбергским¹⁹. Не соответствовали действительности вошедшие в доклад № 41 от 26 июля 1920 года данные о том, что в Крыму арестованы и посажены в крепость генералы П.С. Махров и Л.М. Болховитинов²⁰. Сытин также сообщил, что генералы Н.А. Букретов, Н.А. Морозов, подпоручик В.Н. Иванис, Белашев (личность не установлена) и начальник политической части Н.Н. Чебышев были преданы военно-полевому суду, что не находит документального подтверждения. Неверными были данные из доклада № 52 от 8 августа 1920 года о том, что в Тифлис приехал некий Запорожец — якобы генерал-квартирмейстер Врангеля²¹.

¹⁵ ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

¹⁶ Лежава Г.П. «Дать каждому защиту закона»: веки российско-грузинских отношений (конец XVIII — начало XX века). 2-е изд. М., 2012. С. 197.

¹⁷ ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 1. Л. 6–6об.

¹⁸ Там же. Л. 11.

¹⁹ Там же. Л. 13об.–14.

²⁰ Там же. Л. 87.

²¹ Там же. Л. 121.

5 июля 1920 года Сытин подготовил доклад № 14 о морских силах Врангеля²². 13 июля в докладе № 22 он передал текст обращения Врангеля к военспецам РККА²³. Иногда ценная информация сильно запаздывала. Так, 15 октября 1920 года Сытин переправил в центр перехваченное письмо Врангеля Деникину от февраля 1920 года²⁴. Важный в начале 1920 года документ, свидетельствующий об острой конфронтации в белом командовании, к осени уже был неактуален. Сообщил Сытин и о том, что знаменитый генерал Я.А. Слащов был отстранен Врангелем от командования (доклад № 89 от 9 сентября 1920 года)²⁵. Разумеется, Сытин осветил и эвакуацию белых из Крыма в Константинополь и Галлиполи (доклад № 266 от 27 декабря 1920 года)²⁶.

Сытину удавалось выявлять и передавать в центр важные данные о белых. В частности, в докладе № 40 от 26 июля 1920 года были приведены сведения о рейсах пароходов из Грузии в Крым с указанием численности перебрасываемых туда офицеров²⁷. Освещался Сытиным и непростой вопрос отношений Врангеля с кубанскими казаками²⁸. Точными были сведения из доклада № 50 от 2 августа 1920 года о том, что белой контрразведкой в Крыму руководили генерал К.И. Глобачев и статский советник В.Г. Орлов, Сытину удалось вскрыть и данные о белой контрразведке в Константинополе, которой руководил Р.Д. Мергин (Сытин ошибочно сообщил, что он не офицер, а бывший чиновник)²⁹. Сытин старался сообщать и другую важную в контрразведывательном отношении информацию. Так, в докладе № 79 от 31 августа 1920 года он сообщил Кирову и Лебедеву о работе в Крыму провокатора Акимова — якобы бывшего члена РВС 13-й армии (в действительности среди членов РВС этой армии такого не значится), к которому красные продолжали направлять своих людей³⁰.

Но особенно важным было то, что Сытин успел предупредить военно-политическое руководство РСФСР о подготовке белыми десанта на Кубани. 11 августа 1920 года в докладе № 54, адресованном П.П. Лебедеву и С.М. Кирову, Сытин сообщал: «По сведениям, полученным из Феодосии от 5-го сего августа, в этом порту происходит погрузка десанта на суда. Число десантных судов восемь, кроме транспорта

²² ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 1. Л. 19.

²³ Там же. Л. 49об.

²⁴ ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 2. Л. 117.

²⁵ Там же. Л. 22об.

²⁶ ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 3. Л. 176.

²⁷ ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 1. Л. 86.

²⁸ Там же. Л. 110.

²⁹ Там же. Л. 118. Подробнее см.: *Соловьев М.* Предводитель для Веры. Константинопольские страсти контрразведки // *Родина*. 2011. № 6. С. 112–116.

URL: http://www.istrodina.com/rodina_articul.php3?id=4206&n=175 (07.04.2014).

³⁰ ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 1. Л. 197.

(Мария), которая при десанте состоит в качестве госпитального судна. На суда грузятся исключительно кубанские части числом около десяти тысяч человек с артиллерией и техническими войсками. Кроме этих войск погружено около двух тысяч человек юнкеров Константиновского, Алексеевского и Екатеринодарского юнкерских училищ. Начальником десанта назначен генерал Шифнер-Маркевич. Погрузка почти закончена. Отправка судов предполагается в города Ейск и Анапу, где и будет произведена высадка десанта. У Новороссийска предполагено произвести демонстрацию.

Ранее в Феодосию был отправлен на судне «Скиф» в качестве разведки некий Лемешко с четырьмя разведчиками, который должен был высадиться на побережье Анапа — Новороссийск, но вследствие бури не мог выполнить указанного поручения и прибыл обратно в Феодосию»³¹. При этом Сытин отметил, что белые не скрывали подготовку десанта и даже писали об этом в газетах. Думается, это обстоятельство не снижает значимости переданных материалов.

Десант белых грузился в Феодосии и Керчи 29 июля (11 августа), а утром 1 (14) августа должен был высадиться в районе станицы Приморско-Ахтарской (южнее Ейска), чтобы, выставив заслон к северу, наступать на Екатеринодар. Демонстрационный отряд генерала А.Н. Черепова высаживался между Анапой и Новороссийском. Белые возлагали большие надежды на связь с кубанскими повстанцами и казачьи восстания. Таким образом, данные Сытина были достаточно точны (единственно, десантом руководил не генерал А.М. Шифнер-Маркевич, командовавший 2-й сводной Кубанской дивизией, а генерал С.Г. Улагай)³². Удивительно, однако, как он мог получить данные из Феодосии о десанте, датированные 5 августа — задолго до начала погрузки. Как известно, врангелевский десант был почти сразу после высадки разгромлен, а 6 сентября остатки десантного отряда эвакуировались в Крым. Возможно, не последнюю роль в этом сыграла полученная заблаговременно ценная информация военного атташе в Грузии.

Сообщал Сытин и о таком аспекте политики белых, как издание Врангелем закона о земле. Впрочем, основное внимание он уделял военным вопросам. 18 августа в докладе № 66 Сытин писал о заброшенности перекопских укреплений в Крыму и попытках белых их восстановить, а в докладе № 68 от 22 августа сообщал о

³¹ ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 1. Л. 123.

³² Подробнее о десанте см.: Белый десант на Кубани. Август 1920 / Сост. Д.И. Степанченко. Сан-Франциско; Краснодар: Сов. Кубань, 2000; Карпов Н.Д. Трагедия Белого Юга. 1920 год. М., 2005.

врангелевской мобилизации³³, в докладе № 79 от 31 августа о ценах в Крыму (масло — 3 000 руб. за фунт, яйца — 150 руб., мясо — 1 500 руб. за фунт, хлеб — 200 руб. за фунт, сапоги — 40 000–80 000 руб. за пару) и о повальной спекуляции³⁴. В поле зрения Сытина попали данные о прибытии к белым немецких офицеров (доклад № 98 от 23 сентября 1920 года)³⁵. В частности, он сообщал в центр, что Врангель не смог достигнуть соглашения с украинским лидером С.В. Петлюрой (доклад № 151 от 7 ноября 1920 года)³⁶.

Любопытны и довольно точны собранные Сытиным развернутые личные характеристики белого командования (доклад № 145 от 5 ноября 1920 года): «Врангель — инженер, кончил академию Генерального штаба, на войну пошел ротмистром, за лихую конную атаку получил Георгия 4 ст. Большой честолюбец с сильной волей и настойчивым характером. Ни перед чем не останавливается для достижения своих целей (чтобы попасть в Лейб-Гвардейский Конный полк обманул при всех государя). Едва ли исправен в своих лозунгах, коими пытается привлечь к себе доверие масс. Умнее Деникина, а потому и опаснее»³⁷.

Правая рука Врангеля — генерал П.Н. Шатилов удостоился следующей характеристики: «Честолюбив сверх меры, огромного самомнения, избалован жизнью и людьми. На Кавказе все его баловали как сына помощника Наместника, заискивая перед отцом. Уверен в своей счастливой звезде. Не брезгует никакими средствами. Не чист на руку в отношении казенного добра. По слухам в Добрармии в смысле грабежей не отставал от знаменитого Шкуро. 50 сундуков с награбленным добром утонуло в Черном море. Эгоист. Умный человек, умеет привлекать к себе людей уместными и своевременными подачками и протектированием. Быстро отходит от человека, раз он ему больше не нужен. В рекламировании его больше всех ему помогает жена, Софья Федоровна, которая умеет быть исключительно обаятельна с нужными людьми. Бойтся конкуренции сильных и умных людей, а потому таких в армию старается не пускать...

В политике Шатилов — монархист, ярый реакционер, готовый, однако, окраситься в любой цвет до социалистического включительно, если это может быть в данный момент выгодно для его карьеры. Во время корниловского выступления,

³³ ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 1. Л. 168, 178.

³⁴ Там же. Л. 197об.

³⁵ ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 2. Л. 66.

³⁶ Там же. Л. 208.

³⁷ Там же. Л. 182.

будучи арестован по подозрению в принадлежности к корниловцам, старался выставить себя убежденным республиканцем. В общем, для России человек очень вредный»³⁸.

В виду сложившейся обстановки занимался Сытин и контрразведывательной работой. 8 ноября 1920 года им был составлен список белых агентов в Батуме из 28 человек (доклад № 154)³⁹. Белой разведкой руководил полковник Кусов, его помощником был есаул Иноземцев, сотрудником по Тифлису корнет Курнаков⁴⁰. Осуществлялся перехват переписки белых. Так, было перехвачено датированное 18 октября 1920 года (видимо, по старому стилю) письмо поручика Погодина в Ставку о помощи белым помощника грузинского военного министра генерала А.К. Гедеванова в доставке оружия и боеприпасов на Северный Кавказ. 15 ноября 1920 года сведения об этом письме были сообщены Сытиным в центр (доклад № 162)⁴¹. Были вскрыты агентурные сети других государств. 4 декабря датирован доклад № 211 с перечислением состава французской миссии в Тифлисе и ее агентуры в количестве 17 человек, а также 8 агентов британской миссии⁴². Сытин вскрыл и 10 агентов грузинской разведки, среди которых были полковник Кусов (начальник врангелевской разведки в Грузии), Орбельяни, генерал Г.И. Кереселидзе. Руководил разведкой князь Багратион-Давыдов. Также в Москву ушла информация о том, что «в числе чинов грузинской миссии остался в Москве для организации разведки “Хромой” (фамилия неизвестна)»⁴³. Сытин вскрыл пятерых агентов польской разведки, установил, что есаул Зипалов был представителем международной разведки⁴⁴.

В докладе № 217 от 7 декабря 1920 года Сытин отмечал: «Грузинская разведка в советской комиссии поставлена следующим образом: недели три назад была отправлена партия в 15 человек в комиссии (Баку и Владикавказ) с большими деньгами от разведки Генерального штаба с задачами осведомления военного, внутреннего и внешнего характера. Наибольшую осведомленность они получают от грузинских подданных в советских учреждениях. Работа сосредотачивается в руках Махарадзе. Связь держится через официальное представительство»⁴⁵.

---

³⁸ ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 2. Л. 182–182об.

³⁹ Там же. Л. 211.

⁴⁰ ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 6. Л. 24.

⁴¹ ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 2. Л. 220.

⁴² ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 3. Л. 53–53об.

⁴³ Там же. Л. 54.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. Л. 67.

Серьезную озабоченность советского руководства вызывало антибольшевистское повстанческое движение на Северном Кавказе, поддерживавшееся как белыми из Крыма и Грузии, так и грузинскими властями. Информация об этих связях была вскрыта Сытиным и передана в центр. 14 июля 1920 года датирован доклад № 27 об организации полковника Шамаева для помощи повстанцам, действовавшей на территории Грузии⁴⁶. В дальнейшем тема Северного Кавказа и повстанчества регулярно появлялась в донесениях советского военного атташе и его сотрудников. В частности, советская военная миссия пыталась отслеживать переброски на Северный Кавказ офицеров из Грузии⁴⁷. В докладе № 55, подготовленном в августе 1920 года, Сытин сообщал: «Снова подтверждается сведение о том, что грузинские военные власти оказывают реальную поддержку противосоветским восстаниям в Осетии и Ингушетии, снабжая их необходимым оружием.

Делом этим занимается представитель Врангеля полковник Кусев, в контакте с коим работают полковники грузинской службы Гедеванов и Артемилидзе. Исполнительным органом при них является полковник Мехтиев, при нем для поручений офицеры Иванов и Лунев.

Помимо того, через начальника Особого отряда Кедия ведется вербовка офицеров в Осетию и Ингушетию нижеследующим способом: агентами особого отряда арестовываются, проживающие в Тифлисе офицера, якобы за неимением определенных занятий. В Особом отряде происходит сортировка этих офицеров по их «благонадежности», наиболее благонадежных держат в лучших условиях, снабжают их деньгами (по сведениям 200 руб. в день, каковые деньги выдаются офицерам лично Кедием) и, формируя из них Отдельные отряды, направляют в Ингушетию и Осетию. Так на днях отправлен в Ингушетию летчик Урусев во главе двадцати пяти человек⁴⁸.

О деятельности «зеленых» Сытин информировал центр, в том числе и на основе газетных материалов⁴⁹. Осенью 1920 года Сытин работал над обширным докладом о Северном Кавказе, в котором собирался изложить серьезные предохранительные меры против грузинской активности, а для информирования центра о положении Грузии и ее соседей он хотел приехать в Москву на три дня. Доклад по Северному Кавказу был готов 23 сентября (№ 95)⁵⁰. Сытин отмечал в нем, что

⁴⁶ ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 1. Л. 60.

⁴⁷ Там же. Л. 82.

⁴⁸ Там же. Л. 124.

⁴⁹ Там же. Л. 131.

⁵⁰ ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 2. Л. 45–51об.

грузинские власти поддерживали повстанцев в Кабарде и Минеральных водах. В Дагестане помощь повстанцам от Грузии была организована через начальника оперативной секции отдела Генерального штаба Грузии полковника Н.К. Гедеванова, у которого по этому направлению работал полковник Мехтиев. По оценке Сытина, Грузия была базой снабжения и поддержки повстанцев Северного Кавказа. Для снижения угрозы Сытин предлагал ослабить репрессии против горцев, наладить помощь горцам, уважительно относиться к шариату⁵¹. В докладе № 168 от 15 ноября 1920 года Сытин привел список из 40 офицеров и других лиц, работавших по организации восстаний на Северном Кавказе с ротмистром, князем Ахмат-Ханом Эльдаровым⁵².

В качестве промежуточного отчета о своей работе Сытин сообщал осенью 1920 года в центр: «До сих пор работа моя как военного представителя сводилась, главным образом, к изучению вооруженных сил Грузинской Демократической Республики, дислокации этих войск и их передвижений. Кроме того, я следил за вооруженными силами соседних государств — Армении, Турции и повстанческих организаций Врангеля. Затем обстоятельства вынудили обратить особое внимание на образовавшееся повстанческое движение на Северном Кавказе.

В виду полного отсутствия каких-либо сведений общеполитического характера, я вынужден был также заняться этими делами, хотя и в весьма ограниченном размере, ибо не имел на это особых полномочий и соответствующих средств.

Теперь, получив Вашу бумагу и приложенный к ней приказ Р.В.С.Р. № 117, а также личные указания тов. Одоевского, я постараюсь организовать это дело на более широких началах, дабы оно могло охватить все районы Ближнего Востока и дать подробное освещение и полную политическую обстановку не только действий Антанты, но и всех соприкасающихся с Грузией государств.

В этом направлении мною уже предприняты шаги и заложена ячейка в Константинополе. Послана группа в район действий войск Кара-Бекира и в Армении. В ближайшем будущем необходимо будет создать в Константинополе твердый обстоятельный организм с постоянной связью Константинополя с Тифлисом, который бы имел возможность быть всегда в курсе событий, совершающихся в Греции, Болгарии, Румынии, Сирии и Месопотамии.

---

⁵¹ ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 2. Л. 51об.

⁵² Там же. Л. 228.

В г. Тифлисе уже установлено наблюдение и получают информации из Учредительного Собрания и Военного министерства. Принимаются меры для установления связи с Министерством иностранных дел и Министерством внутренних дел.

Имеются свои люди в существующей повстанческой горской организации, возглавляемой в Тифлисе Меликовым и Тумановым.

Приняты меры войти в курс дел мусаватистской организации некоего Едигарова, объединяющего повстанческие выступления мусульман в Азербайджане.

Установлено наблюдение и получают информации из Армянской миссии.

Желательно в ближайшем будущем развить указанный аппарат, заложив основательные, вполне надежные ячейки в таких учреждениях, как, например, Французская и Английская миссии.

Желательно будет организовать разведку в Персии и быть в курсе дел Ангоры.

Главным тормозом к проведению всех этих предприятий в жизнь является полное отсутствие надежных и обстоятельных сотрудников.

При мне как военном атташе состоит весьма ограниченный штат сотрудников в числе четырех человек, считая в том числе секретаря и письмоводителя, работы для этих людей вполне достаточно по службе в военном представительстве.

Теперь же, когда у меня совмещена работа и по разведке, является насущная необходимость увеличить число моих сотрудников за счет штата военного представительства и в этом направлении считаю необходимым на первое время иметь, по меньшей мере, одного помощника секретаря, двух переводчиков (одного, владеющего европейскими, а другого — восточными языками), трех сотрудников для особых поручений, двух переписчиков и одного служителя.

Набор сотрудников здесь на месте часто дает отрицательные результаты, поэтому считаю необходимым выбор сотрудников делать у нас в России и оттуда командировать в Тифлис.

Очередными главными задачами моей работы считаю необходимым выяснить следующее:

1. Какой новый фронт предпримет Антанта для борьбы с нашим государством.
2. Истинные намерения Мустафы Кемала в связи с продвижением его войск в пределы Кавказского перешейка.
3. Для какой цели будут использованы остатки войск генерала Врангеля»⁵³.

---

⁵³ ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 6. Л. 11–12.

Советский военный представитель в Грузии основательно взялся за дело, чем принес большую пользу РККА. Материал Сытин получал как от информаторов, приезжавших из Крыма, Турции, Болгарии и от организаций: отдела печати при полпредстве РСФСР в Грузии, из информбюро при армянской дипмиссии, из персидского генконсульства, так и из открытых источников — из сообщений мировых телеграфных агентств и из газет, включая крымские, грузинские, армянские, азербайджанские, турецкие, английские, французские и американские.

В общей сложности у Сытина было свыше 40 информаторов, в том числе в грузинском Учредительном собрании и в военном министерстве, в британской, французской, армянской миссиях. Список агентурной сети он привел в докладе № 210 от 4 декабря 1920 года (см. Таблицу 1).

**Таблица 1. Агентурная сеть П.П. Сытина
(по докладу № 210 от 4 декабря 1920 года)⁵⁴**

Местонахождение	Агенты
Учредительное собрание	Белоусов, Южный, Гейк
Военное министерство	Петров, ~~Фенин~~ Островский, Гейк
Ахалцых	Бахрадзе
Кутаис и Они	Габучия
Сухум-Кале	Белоусов, Илья
Поти	Михайлов, Борисов
Батум	Петров, Павчинский, Швец
Ахалкалаки	Григорьев
Организация Туман. и Мелик.	~~Манжое~~ Белый Джеб.
Организация у Петрушевского	Хватуперский
Организация во французском посольстве	Журавлев, Левченко, Иванов
Организация в английской миссии	Петрович
Константинополь	Долин
В Армении	Погорелов, Литвинов
Организация армянской миссии	Таиров, Чуйков
Тифлис	Марков, Васильев, Нордман, Юматов, Хомяков, Джибагиев, Пржебытский, Косыв, Редлих, Забельский, Ремезов, Вольман, Костев, Семен, Карцев, Сарычев

Не всегда агентура оправдывала возложенные надежды. Сам Сытин в декабре 1920 года жаловался в центр на непропорциональный результату расход на разведку агентов Ремезова и Вольмана (доклад № 226), причем последний вел широкий образ жизни⁵⁵. Агентуру Сытин находил в самых неожиданных местах. К примеру,

⁵⁴ ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 3. Л. 52.

⁵⁵ Там же. Л. 87, 88об.

интересные данные ему предоставлял офицер-армянин 7-го батальона грузинской Народной гвардии⁵⁶.

Грузинская контрразведка обратила внимание на агентуру Сытина. Офицер-контрразведчик Р. Мкурнали впоследствии отмечал в статье «Причины наших поражений», что на Сытина работали полковник Иванов и подполковник Гох, предоставлявшие ему данные о грузинской армии, ее дислокации и складах⁵⁷. Из этого можно заключить, что агентура Сытина могла быть шире приведенного им самим списка.

Одним из приоритетных направлений деятельности советского военного разведчика был сбор материалов о вооруженных силах государств Закавказья. Этот вопрос был актуален в свете только что произошедшей в апреле — мае 1920 года советизации Азербайджана и непростых взаимоотношений РСФСР с Грузией и Арменией. Об армянской армии Сытин сообщал, что она насчитывала 11 пехотных и 5 кавалерийских полков, 2 бронепоезда, 8 аэропланов. Передавал он и достаточно точные данные о командном составе⁵⁸. Эти данные также дополнялись и уточнялись в дальнейшем⁵⁹. Один из последних докладов об этом (№ 172) был составлен Сытиным 19 ноября 1920 года — буквально за считанные дни до начала советизации Армении. В докладе, в частности, говорилось об армянском командовании: «Офицерский состав молодой, воински малограмотный, не умеет вести правильно подготовку одиночного бойца, не интересуется военным искусством и военным делом. Высшее командование: к[оманди]ры полков недостаточно опытни и интересуются больше хозяйством и им поглощены...»⁶⁰. В другом донесении Сытин писал о русофобских настроениях в армянских войсках, об увольнении и затирании по службе русских офицеров, несмотря на их высокую квалификацию, о недоброжелательности армянских солдат⁶¹. Очевидно, передававшиеся сведения сыграли свою роль в процессе советизации Армении.

Через Сытина советскому руководству попадали и ценные документы перебежчиков. Так, бежавший 16 ноября 1920 года в Грузию преподаватель Бакинской авиашколы бывший капитан Домбровский составил доклад об Азербайджанской ССР и 11-й советской армии со множеством деталей (несмотря на отдельные неточности).

⁵⁶ ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 3. Л. 189.

⁵⁷ Шарадзе Г. История грузинской эмигрантской журналистики: в 8 т. Тбилиси, 2005. Т. 6. С. 338. Выражаю благодарность грузинскому военному историку Д. Силакадзе (Тбилиси) за предоставленные сведения.

⁵⁸ ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.

⁵⁹ ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 2. Л. 110, 234.

⁶⁰ Там же. Л. 236.

⁶¹ ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 6. Л. 18об.

Этот ценный документ вскоре попал к Сытину и уже в декабре 1920 года был переправлен в центр⁶². В связи с переходами красноармейцев в Грузию начальник Генштаба генерал Захариадзе даже встречался с Сытиным 26 декабря 1920 года⁶³.

Очень подробно освещалось состояние грузинской армии, поскольку возможностей для этого у Сытина было гораздо больше. Эта армия, по докладу Сытина от 28 июня 1920 года, насчитывала три пехотных бригады 4-батальонного состава. В каждом батальоне имелись три роты и пулеметная команда (в другом докладе — рота). В случае мобилизации батальоны развертывались в 3-батальонные полки. Имелась бригада пограничной стражи. Кроме того, имелись шесть дивизионов артиллерии по две батареи в каждом (3 горных, 2 легких и гаубичный), слабый конный дивизион (в другом докладе Сытина — полк) и инженерный батальон, а также четыре бронепоезда («Республиканец», «Рабочий», «Смерть или победа», «Крепость свободы»), пять бронемашин, несколько аэропланов. Помимо регулярной армии в Грузии имелась Народная гвардия — формирование милиционно-добровольческого плана, комплектовавшееся порайонно и состоявшее из пехотных батальонов с выборными командирами. Уже в докладе № 32 от 20 июля 1920 года Сытин подметил важную особенность — конфронтацию между армейским руководством и командованием Народной гвардии⁶⁴. Гвардия, по сути, была государством в государстве. Советский военный атташе обратил внимание и на массовое дезертирство солдат грузинской армии (доклад № 42 от 27 июля 1920 года⁶⁵), а также на тяжелое материальное положение грузинских офицеров, слабо обеспеченных жалованьем⁶⁶.

5 июля 1920 года Сытин составил доклад № 13 о командном составе грузинской армии. Он сообщал в Москву, что военное ведомство возглавлял министр Г.С. Лордкипанидзе, при котором существовал военный совет в составе самого министра, его помощников Генштаба генералов А.К. Гедеванова и И.З. Одишелидзе, Генштаба генералов А.С. Андроникова, А.М. Бенаева, генерала К.П. Кутателадзе, а также еще трех членов, установить которых Сытин не смог⁶⁷. Неустановленные Сытиным лица были представителями Народной гвардии, о которой потенциальные

---

⁶² ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 3. Л. 133–137.

⁶³ Там же. Л. 163.

⁶⁴ ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 1. Л. 66.

⁶⁵ Там же. Л. 91.

⁶⁶ Там же. Л. 90.

⁶⁷ Там же. Л. 17.

информаторы советского военного атташе из бывших офицеров русской армии могли не иметь сведений, поскольку служили в регулярных частях.

Точные данные об организационной структуре грузинского военного ведомства Сытин смог установить не сразу. Первоначально он сообщал, что структура военного министерства Грузии включала отдел Генерального штаба с секциями организационной, оперативной, артиллерийской. Начальником Генерального штаба был Генштаба генерал А.К. Захариадзе. Генеральный штаб, как первоначально полагал Сытин, включал общий отдел (общая канцелярия, контрразведка, генерал Кавтарадзе), отдел личного состава, ведавший чинопроизводством и наградами (полковник (генерал русской службы) З.Д. Бахрадзе), топографический отдел. Сытин отмечал, что контрразведка, с которой ему приходилось сталкиваться, существовала не только в Генштабе, но и непосредственно при военном министерстве, где ею руководил полковник Тулаев.

В июле 1920 года Сытин передал в центр данные о структуре канцелярии военного министерства, включавшей отдел личного состава, строевой и хозяйственный отделы⁶⁸. Тогда же Сытин смог существенно уточнить собранные ранее сведения о структуре грузинского Генштаба. Было установлено, что он подразделялся не на отделы, а на секции и отделения. Структура оперативной секции во главе с Генштаба полковником Н.К. Гедевановым была установлена Сытиным в июле 1920 года. Секция включала отделения: строевое (майор Мухелов), мобилизационное (полковник Чилиев), разведывательное (полковник И. Чечелашвили). Топографической секцией руководил генерал А.М. Бенаев, военно-дорожной — полковник Мачавариани, инженерно-технической — полковник Гурамов, артиллерийской — полковник Казбек, административно-хозяйственной — генерал Киншидзе⁶⁹.

Постоянно уточняя данные о грузинских частях, Сытин сообщал, что в батальонах имеется по 900–950 человек. Бригадами командовали: 1-й — генерал Д.А. Артмеладзе (помощник — генерал Т.Д. Вашакидзе), 2-й — генерал И.К. Гедеванов (помощник — генерал Сумбатов), 3-й — генерал Цулукидзе. Установил Сытин и дислокацию пехотных батальонов: 1-й батальон — Кутаис, 2-й — Поты, 5-й и 7-й — Тифлис, 6-й — Лагодехи, 8-й — Телав, 9-й — Ахалцих. Более точными со временем стали данные о пограничных и технических войсках, коннице. Сытин зафиксировал наличие трех артиллерийских бригад, саперного батальона, автомобильной роты,

⁶⁸ ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 1. Л. 63.

⁶⁹ Там же. Л. 63–63об.

авиароты. Инженерными войсками руководил генерал Г.К. Такайшвили, а артиллерией — генерал К.П. Кутателадзе. Отметим Сытин наличие в армии и Грузино-Мусульманского конного дивизиона. Пограничная стража делилась на три отдела: Манглисский, Дарьяльский и Черноморский (всего 3 600 солдат).

Артиллерийские бригады состояли из шести 4-орудийных батарей. Всего батарей насчитывалось 18 (72 орудия без мортирного дивизиона). Конный полк был 4-эскадронным, имел пулеметный эскадрон, всего насчитывалось до 700 сабель⁷⁰. Численность регулярной армии Сытиным оценивалась в 18 000–19 000 человек⁷¹, а вместе с Народной гвардией — до 35 000 человек. Впрочем, эти данные представляются завышенными⁷².

Сытин всесторонне изучал грузинскую армию и военный потенциал Грузии. В частности, он сообщал данные о наличии оружия и боеприпасов на складах в Тифлисе (к примеру, там хранилось более 1 000 пулеметов)⁷³, что позволяло военному руководству Советской России оценить потенциал грузинских войск на случай войны. Не ускользнуло от его внимания и то, что 10% Народной гвардии к декабрю 1920 года были большевизированы⁷⁴. В декабре, по оценке Сытина, под ружьем в Грузии находилось уже 150 000 человек⁷⁵, что представляется преувеличением.

Сытин информировал Москву о новых военных законах, принимавшихся в Грузии⁷⁶, о положении грузинских войск в разных частях страны (например, в Батумской области, доклад № 59 от 13 августа 1920 года)⁷⁷, о тактике и подготовке личного состава. В отношении последнего вопроса Сытин сообщал в докладе № 64 от 17 августа 1920 года: «Важно отметить, что в Грузинской армии и гвардии первенствующее, даже исключительное внимание, отведено огневому действию.

Штыковой удар как завершающий успех огневой подготовки игнорирован совершенно; солдаты не имеют никакого представления о действии штыком, так как эта отрасль боевой подготовки совершенно с ними не проходит. В начальстве существует уверенность, что, благодаря сравнительно большому наличию пулеметов, успех боя обеспечен вполне и заниматься обучением штыковому бою — совершенно

⁷⁰ ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 1. Л. 17об.

⁷¹ Там же. Л. 18., 91об.

⁷² Безугольный А.Ю. Демократическая республика Грузия и ее вооруженные силы. 1918–1921 // Вопросы истории. 2009. № 10. С. 87–101. С. 93.

⁷³ ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 1. Л. 31.

⁷⁴ ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 3. Л. 67.

⁷⁵ Там же. Л. 67об.

⁷⁶ ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 1. Л. 113.

⁷⁷ Там же. Л. 157.

излишне»⁷⁸. От внимательного взгляда военного атташе не укрылись и факты брожения в грузинской армии, случаи нарушения дисциплины, озлобление солдат на командный состав (доклад № 65 от 17 августа 1920 года)⁷⁹.

В докладах № 69 (август 1920 года), № 85 (5 сентября 1920 года), а также в других документах Сытин приводил общую оценку военного потенциала грузинских войск и характеристику грузинского офицерского корпуса: «С точки зрения военного искусства Грузинские вооруженные силы не могут из себя представлять сильной, мощной, хотя и незначительной по количеству, армии. Коэффициент боеспособности этой армии весьма мал и причинами этого надо отметить следующее.

Командный состав армии, хотя и состоит из бывших офицеров с большим боевым опытом, но эти офицеры совершенно не пользуются авторитетом среди своих солдат. Командный же состав Народной гвардии в большинстве случаев недостаточно образован с точки зрения военной специализации.

Тяжелые условия существования вследствие дороговизны жизни, в связи с весьма скромными окладами содержания заставляют почти всю массу командного состава изыскивать на стороне средства к поддержанию своего существования, что вредно отзывается на служебной подготовке частей, и командный состав больше занимается коммерческими делами, нежели обучением своих солдат военной службе.

Постоянная служба на границах, частые передвижения частей в зависимости от политической обстановки, полубоевая, тревожная жизнь войск, не только нервно измотали войска, но и прекратили возможность вести регулярные занятия в частях.

Притока людей с высшим военным образованием в армию нет. Она в настоящее время живет за счет тех военных специалистов, которые ей остались по наследству от армии Кавказского фронта. Военное училище, пополняющее командный состав армии, представляет из себя довольно слабую по подготовке школу, которая не может выполнить, хотя бы сносно, поставленной ей задачи.

Во главе военного управления стоят специалисты с крайне ограниченным военным кругозором, к тому же не пользующиеся полным доверием своего правительства, которое весьма часто ограничивает благие порывы этих сотрудников, не считаясь с военной необходимостью и принимая лишь к сведению партийные цели.

В общем, Грузия, создав в весьма короткое время из имевшегося под рукой материала армию — боевую силу, не имела возможности организовать ее с точки

---

⁷⁸ ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 1. Л. 162.

⁷⁹ Там же. Л. 167–167об.

зрения военных требований, а должна была ее сразу ввести в работу, которая длится до сих пор и не дает возможности грузинскому правительству заняться правильной организацией, образованием и воспитанием своей вооруженной силы.

Все надежды партийных лиц, входящих в состав правительства, возлагаются на Народную гвардию.

Поэтому на основании всего изложенного можно сказать, что Грузия в отношении своей вооруженной силы представляет государство, не способное к каким бы то ни было активным выступлениям, как самостоятельно, так и в союзе с кем бы то ни было. Грузия имеет вооруженную силу лишь для поддержания порядка в своей стране и наблюдения за границами своего государства. Оказать серьезное сопротивление наступающему извне врагу совершенно не может, а тем более не в состоянии вести продолжительные военные операции, хотя бы на одном фронте.

Открытие Грузией военных действий немедленно повлечет за собою усиление экономической разрухи страны, что вызовет взрыв народного негодования, а последнее легко повлечет за собою открытое возмущение и стремление переменить существующую власть»⁸⁰.

Оклады грузинских офицеров составляли 3–6 тыс. руб. при казенном пайке и обмундировании. Как свидетельствовал советский военный атташе: «Современная действительность указывает, что означенные оклады слишком малы и не в состоянии удовлетворить офицеров, особенно семейных и благодаря этому большой процент офицеров наряду со службой занимается спекуляцией, а многие не брезгают казенными деньгами, вверенными им по службе. Не без греха в этом отношении и помощник военного министра по хозяйственной части ген. Гедеванов, который, как утверждают многие офицеры Ген. штаба, проигрывает в клубах по 100–200 тысяч р. чуть ли не ежедневно, но пока умело предоставляет оправдательные документы.

Одной из наиболее характерных бытовых черт в служебной жизни грузинского офицерства является чрезмерно развитое “кумовство”, которое играет здесь первенствующую роль и зачастую офицерский состав части подбирается почти исключительно из родственников.

Отмечая чрезвычайно развитое казнокрадство, приходится отметить, что это явление довольно вредно отзывается на интересах республики, так как все хищения соразмерены с аппетитом не одного лица, а целой группы. Для примера обращу внимание на дело бывш[его] ген[ерал]-губернатора Шалвы Маоликелидзе и хищение в

---

⁸⁰ ЦИАГ. Ф. 1969. Оп. 1. Д. 670. Л. 11–13.

офицерском экономическом обществе. В первом случае казна пострадала на сумму свыше полумиллиона, во втором — на 2 1/2 миллиона.

Не отстают в этом отношении от офицеров и солдаты — спекуляция их родная сфера...»⁸¹. Как следствие всех недостатков грузинская армия едва справлялась с подавлением внутренних восстаний на территории страны.

Относительно положения офицерского состава при власти грузинских меньшевиков Сытин писал: «При укомплектовании войск офицерским составом офицерам с партийным признаком было дано преимущество перед офицерами, стоящими вне партии, благодаря чему части заполнены молодежью выпусков 1914–17 гг., а кадровые офицеры старой армии, обладающие широким общим образованием и отличной военной подготовкой, не нашли себе места в родной армии или им уделены там весьма скромные должности.

Кроме того, обращает на себя внимание назначение на должности лиц, совершенно не соответствующих как в нравственном отношении, так и по подготовке. Так, например: командиром единственного конного полка в армии является, как было указано раньше, бывший пехотный офицер; начальником арсенала был долгое время бывший командир батальона (полк. Коринтели) — пехотинец, которого впоследствии уже заместил строевой артиллерийский офицер (полк. Туманов), хотя эту должность с большим успехом и пользой для дела мог бы занимать артиллерист-академик, офицер со специальной подготовкой; начальник главного инженерного склада (майор Багратион-Давыдов) также бывший пехотный офицер, окончивший в 1909 году Тифлисское пехотное юнкерское училище.

В прохождении службы офицерами необходимо отметить, что повышение в чинах ни в какой степени не зависит от полученной подготовки и продолжительности службы. Все зависит от оценки высшим начальством и, благодаря этому, получается впечатление, что зачастую лица, благодаря родственным или иным отношениям, приобретают преимущества над не имеющими таковых.

Важно отметить, кстати, что старший лейтенант Парезашвили получил чин капитана и командование 7-й ротой 7-го пех[отного] полка только потому, что является женихом дочери командира полка — полк. Вачнадзе; между тем в полку есть более старшие и достойные офицеры.

При переходе по мобилизации войск на военное положение офицерский состав укомплектовывается призывными из запаса.

---

⁸¹ ЦИАГ. Ф. 1969. Оп. 1. Д. 670. Л. 17–17об.

В настоящее время комплект офицеров в армии полный, а в некоторых частях офицеры имеются сверх комплекта.

В пехоте и кавалерии на 25 солдат приходится по одному офицеру, а в специальных и технических частях по одному на 20, помимо штабных офицеров.

Всего грузинская армия насчитывает от 1 300 до 1 500 человек офицеров. Кроме того, в Грузии имеется около 500 кадровых офицеров бывшей Кавказской армии, оставшихся не у дел, которые в случае столкновения Грузии с Советской Россией несомненно вступят в ряды грузинской армии...

Офицерский состав в пехоте и кавалерии почти исключительно грузины, в специальных и технических частях, особенно в авиации и автороте — не грузинский состав (русские, армяне, поляки, немцы и пр.).

Для комплектования в будущем войск офицерским составом существует в Тифлисе военная школа, состоящая из 4-х отделений: пехотного, артиллерийского, кавалерийского и инженерного с 2-хгодичным курсом, куда принимаются молодые люди в возрасте от 18 до 25 лет с законченным средним образованием»⁸².

Сытин указывал, что 90% грузинской армии составляли грузины, 5% грузинские армяне, 2% русские — уроженцы Грузии, 3% инородцы, в том числе мусульмане⁸³.

Большой интерес представляют характеристики представителей грузинской военной элиты, вошедшие в доклад № 147 от 6 ноября 1920 года. Характеристики эти свидетельствовали о неудовлетворительности высшего руководства грузинских вооруженных сил: «Заведующий отделом формирования генерал Джиджихия — Офицер Генштаба, но весь его боевой опыт ограничивается первыми месяцами войны 1914 года, т. к. попал в плен в составе корпуса Самсонова. Прибыл из России в 1918 г. капитаном. Здесь командовал гвардейскими частями в войну с армянами и с Азербайджаном, особых военных талантов не выказал, но, конечно, среди всего командного состава гвардии был наиболее знающим офицером. Большой интриган. Как заведующий отделом поставил свою канцелярию на широкий, но вполне бюрократический лад. При назначении служащих и лиц командного состава склонен принимать больше во внимание частные интересы, чем интересы дела... Командир артиллерийской бригады Каргаретели — отличный офицер довоенного времени,

---

⁸² ЦИАГ. Ф. 1969. Оп. 1. Д. 670. Л. 18–20.

⁸³ ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 1. Л. 179.

прекрасный хозяин, человек дела. В политическом отношении человек либеральных, но отнюдь не социалистических взглядов»⁸⁴.

В докладе № 217 от 7 декабря 1920 года Сытин отмечал, что «военное министерство (Гедеванов, Одишелидзе) и высший командный состав — старых русских традиций, за некоторым исключением (Джугели — известный националист, стратегической подготовки нет, все за независимую Грузию)»⁸⁵. Председателя главного штаба Народной гвардии В. Джугели Сытин характеризовал как честолюбца, популиста, но решительного и храброго человека и отличного вождя (доклад № 147 от 6 ноября 1920 года)⁸⁶.

Характеристики грузинских военных деятелей присутствовали и в других донесениях: «Генерал Иосиф Геденашвили — кончил по 2-му разряду академию Генерального штаба; до 1905 года служил в штабе дивизии (66 рез[ервной]). В 1906 году принимал деятельное участие в ограблении Душетского казначейства (якобы с политической целью). Был судим, удален со службы. Занялся литературной и политической деятельностью. Видный деятель партии с[оциал]-ф[едералистов]. Русских не любит. После революции вновь поступил на военную службу и быстро из капитанов попадает в генералы. Никакой серьезной военной подготовки, не командовал даже ротой. Как командующий фронтом — полная бездарность, но с большими претензиями. Жордания, видимо, хорошо его раскусил и теперь недолюбливает.

Полковник Дзагания (начальник штаба фронта) — способный, но малоопытный офицер Ген. штаба, окончивший ускоренный курс академии в 1918 году. К крупным операциям совершенно не подготовлен.

Генерал Джиджихия. В первый же год войны попал в плен к германцам, откуда вернулся в 1918 году в чине капитана. Занимался в с. д. партии, устроился в Народную гвардию и быстро дошел до ген. чина. Офицер Ген. штаба, в военном отношении подготовлен слабо, ибо ничем не командовал, пронырлив (как все мингрельцы), большой интриган. Получил должность, ибо больше в Народной гвардии некого было назначить»⁸⁷.

В докладе № 17 от 9 июля 1920 года Сытин сообщал С.М. Кирову и П.П. Лебедеву об имевшихся в Тифлисе военных запасах, причем были указаны адреса

⁸⁴ ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 2. Л. 186об.

⁸⁵ ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 3. Л. 67.

⁸⁶ ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 2. Л. 185.

⁸⁷ ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 6. Л. 14.

складов и хранящееся в них имущество⁸⁸, в докладе № 18 были переданы данные об инженерных и технических частях⁸⁹, в докладе № 70 от 24 августа содержались данные о дислокации грузинских войск⁹⁰. В качестве примера основательности работы военного атташе приведем его доклад № 75 от 25 августа 1920 года о закупках Грузией итальянских аэропланов: «По сведениям военно-инженерного ведомства для Грузии закуплено в Италии несколько аэропланов. Машины эти приобретены в Италии на знаменитом заводе Аксальде, который считается в настоящее время первым в мире по технике изготовления летательных аппаратов. Приобретенные грузинским правительством аппараты представляют собой последнее слово техники. Скорость этих аппаратов до 220 километров в час. Каждый аппарат снабжен радиостанцией, фотографическими приборами и пр. Наиболее важно для Грузии то, что аппараты эти снабжены идеальными моторами.

Между прочим, сообщается, что предполагавшийся перелет на одном из новых аппаратов летчика Мачавариани из Турции в Тифлис пришлось отложить в виду отсутствия на пути авиационных баз»⁹¹. В дальнейшем Сытин сообщил еще более подробные сведения об организации и материально-технической базе грузинских ВВС. Так, в докладе № 173 от 19 ноября 1920 года он переправил в центр детальную информацию о личном составе грузинской авиароты, включая данные о действующих и учебных аэропланах, о том, сколько аппаратов нуждается в ремонте и даже перечислил находившиеся запасные моторы⁹². Собирая Сытин сведения и о грузинском флоте в Поти и Батуме, причем в его докладах содержалась информация и о перевозимых морским путем грузах (доклады № 199 и 200 от 28 ноября 1920 года⁹³).

---

⁸⁸ ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 1. Л. 31.

⁸⁹ Там же. Л. 32.

⁹⁰ Там же. Л. 180.

⁹¹ Там же. Л. 189–189об.

⁹² ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 2. Л. 237–237об.

⁹³ ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 3. Л. 41–43об. Целенаправленно организацией советской военно-морской разведки в Грузии занимался военмор, бывший старший лейтенант К.А. Бенкендорф, пользовавшийся связями с флотскими офицерами, служившими у белых. В Тифлисе установилось самое тесное сотрудничество в разведывательной сфере между С.М. Кировым, Л.И. Рузером и военспецами П.П. Сытиным, К.А. Бенкендорфом и В.Н. Чернышевым, в том числе в вопросе подбора агентуры («Я убежденный сторонник Советской власти... мой прежний титул — граф...»: Злоключения К.А. Бенкендорфа в большевистской России. 1918–1924 гг. / Авт.-сост.: В.Д. Тополянский, Н.А. Сидоров // Альманах «Россия. XX век». 2012. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1023492> [07.04.2014]). Тифлис тогда был одним из центров противоборства спецслужб и тайных переговоров. В частности, по свидетельству Бенкендорфа, в августе 1920 года в Тифлисе произошло инициированное генералом П.Н. Врангелем (другом Бенкендорфа) зондирование почвы для мирных переговоров с красными. Зондирование осуществлял двоюродный брат Бенкендорфа князь П.А. Долгоруков, с советской стороны посредником выступал Бенкендорф, к переговорам привлекался

Информацию о грузинской армии Сытин постоянно уточнял и дополнял. На основе собранных материалов к осени 1920 года он составил брошюру, посвященную описанию грузинских войск. В связи с завершением работы над рукописью Сытин сообщал в докладе № 91 от 14 сентября 1920 года П.П. Лебедеву и С.М. Кирову: «Представляю составленную мною брошюру “Вооруженные Силы Грузинской Демократической Республики”, прошу, если признано будет возможным, отдать ее в печать и распространить между штабами войсковых частей Кавказского фронта.

Брошюра была мною составлена на основании сведений, добытых мною с большими усилиями в течение моего кратковременного пребывания в пределах Грузии, т. е. с 18-го Июня текущего года, и, полагаю, что данные, изложенные в ней, достаточно мною проверены и могут носить достоверный характер.

Когда брошюра была мною составлена, я получил “Боевое расписание” сил Грузии, составленное оперативным отделом штаба XI-й армии 25-го августа 1920 года. Сравнивая указанные там сведения со сведениями, вошедшими в мою брошюру, я подтверждаю правильность моих данных...»⁹⁴. Текст брошюры Сытин дополнял по вопросам дислокации войск и в октябре 1920 года⁹⁵.

Брошюра Сытина была издана в 1921 году в Москве объемом 28 страниц, не считая схем⁹⁶. В ней были рассмотрены как вооруженные силы (регулярная армия, флот, народная гвардия в аспектах их состава, комплектования, устройства, управления, численности, снабжения, вооружения, снаряжения, довольствия и обучения, а также вопрос настроений), так и политическое, экономическое и международное положение Грузии. В приложении были опубликованы схемы организации военного министерства, регулярной армии, бригады и дивизии. В этом издании отмечалось, что «опасаясь “советизации”, окруженная со всех сторон советскими республиками, Грузия очень недружелюбно относится к России и всеми силами помогает тем контрреволюционным элементам, которые тем или иным способом ведут борьбу с Советской властью на Кавказе»⁹⁷.

помощник советского военного представителя в Армении генштабист А.А. Бобрищев (*Benckendorff C. Half a Life: The Reminiscences of a Russian Gentleman. London: Richards Press, 1955. P. 272–276.*)

⁹⁴ ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 2. Л. 26.

⁹⁵ Там же. Л. 163.

⁹⁶ Материалы стратегической разведки РСФСР. Грузия. Данные о вооруженных силах и краткий обзор политического, экономического и международного положения Грузии (по состоянию к 1 января 1921 г.) М., 1921. В 1995 году брошюра переиздана в Тбилиси. Небольшие фрагменты ее также опубликованы в: «Грузия очень недружелюбно относится к России» / Публ. В.Г. Оппокова // Военно-исторический журнал. 2002. № 6. С. 34–37.

⁹⁷ Материалы стратегической разведки РСФСР. Грузия. С. 28.

Характеризуя настроения в грузинском обществе, Сытин отмечал в докладе № 179 от 21 ноября 1920 года рост симпатий к России в правительственных кругах⁹⁸. В докладе № 217 от 7 декабря 1920 года о положении в Грузии Сытин писал: «Коммунисты имеют влияние только на рабочих и тоже частично. Крестьянство и городское население относится отрицательно к коммунистической пропаганде. Грузинское правительство боится роста влияния компартии и противодействует всеми мерами»⁹⁹. При этом в докладе № 274 от 30 декабря 1920 года Сытин писал о том, что грузинская военная элита рассматривала возможность наступления на красных. Сам же Сытин считал активные действия грузинской стороны вероятными лишь в случае получения британской поддержки¹⁰⁰.

В целом грузинское командование относилось к РККА пренебрежительно, получили распространение шапкозакидательские настроения. В докладе № 275 от 30 декабря 1920 года Сытин писал: «Отношение грузинских властей и военного командования к стоящей на границе Красной армии явно пренебрежительное. В своих разговорах о ней начальник генерального штаба Захариадзе делает очень нелестные отзывы.

Каралов из Эривани шифрованной депешей, делая оценку Красной армии, прибавляет: «Торе тому народу, который не окажет сопротивление этой рвани...»

В своей победе грузины нисколько не сомневаются и уверены, что они «шапками закидают» своих врагов, которые, по их мнению, едва ли посмеют тронуть Грузию, уверены они также, что между Сов. Россией и кемалистской Турцией разрыв неизбежен: в этом случае грузины думают оставаться нейтральными в надежде от этого нейтралитета сильно выиграть (ген. Гедеванов). Впрочем, есть и сторонники совместного выступления с Турцией против России»¹⁰¹.

Не ускользнули от внимания Сытина и проблемы во взаимоотношениях Тифлиса и окраин Грузии. В частности, 7 сентября 1920 года он направил в центр доклад № 86 об Аджарии и сдаче грузинам главнокомандующего аджарскими войсками Кескин-Заде. В этом чрезвычайно интересном документе Сытин отмечал: «Мне кажется, в интересах Советской России не является стремление всячески усиливать Грузинскую Демократическую Республику и способствовать ее усилению, тем более, что, насколько мне известно, она не стесняется оказывать и тайно и явно помощь

---

⁹⁸ ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 2. Л. 245.

⁹⁹ ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 3. Л. 67.

¹⁰⁰ Там же. Л. 187об.

¹⁰¹ Там же. Л. 189.

врагам Советской власти, а потому я считаю, что, если это так, то наша обязанность принять все меры к предотвращению возможного явления, которое, несомненно, должно произойти в ближайшем будущем.

Я считаю необходимым не допустить возможности, чтобы грузинское правительство могло сейчас использовать Кескин-Заде для Грузии и поэтому признаю срочным переезд Кескин-Заде в советскую республику... Отъезд его будет связан с продолжением начатого им дела в смысле подготовки помощи и организации в Советской России всех средств к будущему восстанию...

Среди аджарского населения нетрудно будет поддержать эту идею и тем дать надежду на лучшее будущее. Мне кажется, что поступая так, мы сохраним за собою расположение аджарского народа, который, ожидая от Советской России помощи для получения себе независимости, никогда не пойдет с Грузией на уступки и останется верен своим стремлениям, затаив в себе ненависть к грузинам и надежды на будущее»¹⁰². Наблюдения Сытина сохранили свою актуальность и в конце XX — начале XXI века.

Помимо вооруженных сил закавказских государств Сытин информировал руководство РККА о военно-политической обстановке в других странах. В частности, уже 30 июня 1920 года в докладе № 9 он сообщил сведения о расположении турецких войск¹⁰³, в июле 1920 года подготовил доклад о положении в Персии¹⁰⁴, освещал события греко-турецкой войны¹⁰⁵, в докладе № 72 от 25 августа он сообщал о сильных коммунистических симпатиях в Турции¹⁰⁶, в докладе № 84 от 2 сентября — о состоянии разведки в Турции¹⁰⁷. Видимо, на основании данных агента, старшего лейтенанта Л.Е. Кованько (завербован военмором К.А. Бенкендорфом вместе с выпускником Николаевской академии бывшим штабс-капитаном В.М. Погореловым), прибывшего из Константинополя, 16 сентября Сытин составил подробный доклад № 93 об оккупационных силах Антанты в Турции¹⁰⁸. Документ включал информацию о возможностях въезда в Константинополь. Тогда же от константинопольской военно-морской агентуры Сытин получил подробные данные о состоянии врангелевского

---

¹⁰² ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 2. Л. 12–12об.

¹⁰³ ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.

¹⁰⁴ Там же. Л. 55.

¹⁰⁵ Там же. Л. 29.

¹⁰⁶ Там же. Л. 186.

¹⁰⁷ ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 2. Л. 7.

¹⁰⁸ Там же. Л. 28, 30.

флота (доклад № 94 от 16 сентября 1920 года)¹⁰⁹. В поле зрения советского разведчика попадали и события в Великобритании, связанные с положением английских шахтеров и их выступлениями в 1920 году (доклад № 96 от 23 сентября 1920 года)¹¹⁰, протесты английских рабочих против оказания помощи белым¹¹¹. Доклад № 110 от 7 октября 1920 года касался событий в Болгарии, Румынии, Месопотамии, Сирии, Аравии, Турции, Югославии, Албании, Италии, Великобритании и Франции¹¹². Доклады о международном положении он готовил и в дальнейшем¹¹³. В Москву Сытин в конце 1920 года направил даже собственноручно нарисованную схему итало-югославской границы по Раппальскому договору¹¹⁴.

При наступлении РККА Сытин был арестован меньшевиками в Тифлисе и 1,5 месяца просидел в тюрьме в Кутаисе и Батуме как представитель Советской власти. Доклады в период ареста, разумеется, Сытин составлять не мог.

По итогам своей миссии, уже после советизации Грузии, 26 марта 1921 года, Сытин удостоился высокой оценки члена РВС Кавказского фронта Г.К. Орджоникидзе и начальника Особого отдела 11-й армии Панкратава, отметивших в специальной справке: «Настоящая справка выдана военному атташе при полномочном представительстве Р.С.Ф.С.Р. тов. П.П. Сытину в том, что по его материалам зафронтной разведки Особым отделом 11-й армии производилась работа на территории армии и при пользовании ими являлась возможность легче обнаружить участников контрреволюционных организаций: А) Горской — по освобождению горских народов от большевиков, Б) Спасения Азербейджана, а также и их действий.

Кроме указанного, работа тов. Сытина в Грузии давала возможность командованию фронтом в лице тов. Орджоникидзе быть в курсе закулисных дел иностранных представительств, а армии — своевременные сведения о состоянии грузинских войсковых частей, их вооружений и дислокации»¹¹⁵.

Сытин продолжил работать и после советизации Грузии. Если в 1920 году он готовил сводки фактических данных, отталкиваясь от текущих событий, то теперь перешел к составлению глубоких аналитических записок. Апрелем 1921 года

---

¹⁰⁹ ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 2. Л. 38–44об.

¹¹⁰ Там же. Л. 53.

¹¹¹ Там же. Л. 100об.

¹¹² Там же. Л. 94.

¹¹³ ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 3. Л. 5, 22.

¹¹⁴ Там же. Л. 123.

¹¹⁵ РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 85. Л. 20.

датированы последние его аналитические записки в Региструпр о грузино-российских отношениях. Эти записки сохраняют свою актуальность и спустя почти столетие.

22 апреля 1921 года Сытин подготовил доклад о политических настроениях в Грузии и грузинском шовинизме¹¹⁶, писал об усиленной антироссийской пропаганде в Грузии в 1920 году, о помощи грузинских властей белым, о тяжелом положении русских в Грузии¹¹⁷. Среди прочего Сытин отметил, что вдохновителем антироссийской политики выступала Великобритания¹¹⁸. «Советская миссия в Тифлисе достаточно испытала на себе, еще до разрыва в феврале с. г., остроту шовинистического ненавистничества буржуазной Грузии к России», — отмечал советский военный представитель. При этом миролюбие Москвы расценивалось Тифлисом как проявление слабости.

Продолжалась и разведывательная работа. Так, Сытин сообщал о предстоящем прибытии в Тифлис восьми французских разведчиков, трое из которых уже находились в Батуме¹¹⁹. Беспокойство Сытина вызывали и некоторые тенденции, последовавшие за советизацией Грузии. Так, он отмечал, что в советские учреждения для подпольной работы стали внедряться грузинские шовинисты, в том числе ранее служившие в народной гвардии. Подобные случаи пытался отслеживать Особый отдел 11-й армии. Бывший генерал писал в докладе: «Нельзя в жертву шовинизму маленькой нации, занимающей территориально столь важную позицию между РСФСР с одной стороны и Турцией и Антантой с другой (ворота в Индию) приносить насущные интересы Интернационала»¹²⁰. По всей видимости, Сытин проникся большевистскими идеями, трактуя их в имперском смысле.

Сытин предложил свое видение организации управления Грузией. По его предложению здесь должны дислоцироваться силы РККА, в особенности на черноморском побережье возле турецкой границы. Генштабист также писал: «Мерой, ослабляющей грузинский шовинизм и территориально и материально, я считал бы отделение Абхазии»¹²¹. Сытин считал необходимым решением местного населения присоединить Абхазию к РСФСР¹²². В целом же действенным способом контроля

¹¹⁶ ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 4. Л. 1. Фрагменты доклада опубликованы в: *Гамахария Ж., Гогия Б.* Указ. соч. С. 470–472.

¹¹⁷ ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 4. Л. 7об.

¹¹⁸ Там же. Л. 3.

¹¹⁹ Там же. Л. 4.

¹²⁰ Там же. Л. 4об.

¹²¹ Там же. Л. 5.

¹²² Там же. Л. 5об.

грузинской территории советский военный атташе считал расчленение Грузии на автономные единицы. Сытин писал: «Отделение Абхазии от Грузии диктуется всеми соображениями, и замедление осуществления этого может быть чревато самыми нежелательными последствиями: Абхазия может примкнуть к Горской республике (от Грузии она решила отойти)»¹²³. Допускал Сытин и отделение Мингрелии. По его оценке, «вот этот путь — расчленения Грузинской Республики на ряд автономных единиц — тем более подчиненных влиянию РСФСР, чем эти единицы меньше, заслуживает большого внимания. Нет сомнения, что автономное устройство этих маленьких республик не только благоприятно отразится на их отношении к РСФСР, но также и на внутреннем их благосостоянии: самостоятельность под могучим покровительством России поднимет жизнеспособность этих наций»¹²⁴.

По мнению Сытина, грузинская советизация была похожа «как ни грубо это сравнение, на уловку духанщика, вывешивающего над своей лавочкой вывеску “кооперация”»¹²⁵. Сам бывший генерал писал о личной небезопасности высказываемых суждений, но затем вычеркнул это: «Высказывая изложенные соображения, я базируюсь исключительно на неоспоримых фактах, — вся эта картина здешних настроений не может быть опровергнута. Сознывая всю ответственность (~~и даже личную небезопасность~~), я считаю своим долгом давать, как всегда, правдивую политическую информацию, ибо только правильное освещение совершающихся событий поможет центру избрать верную линию политики Р.С.Ф.С.Р. в Закавказье»¹²⁶.

26 апреля Сытин подготовил для Региструпра доклад № 18 о положении в Грузии, в котором с тревогой отмечал настроения и тенденции в регионе после прихода РККА: «В этой краткой заметке трудно даже приблизительно определить ту степень шовинизма и человеконенавистничества, какая была проявлена грузинами по отношению так называемых инородцев. Правда, все эти инородцы, т. е. русские, армяне и даже татары¹²⁷ не скрывали своей ненависти к грузинскому правительству и все свои надежды возлагали на приход в Закавказье русских. Занятие Азербайджана советскими войсками сильно подняло настроение негрузинских жителей Тифлиса и у всех до последнего времени, правда, с некоторой тревогой, срывалась фраза: “Когда же, наконец, придут большевики”».

¹²³ ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 4. Л. 6.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Там же. Л. 7об.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ То есть азербайджанцы.

Тревожное волнение, которое рождалось при мысли о “приходе большевиков”, во многих случаях умерялось сознанием, что с приходом Красной армии исчезнет тот ущерб русскому языку, русскому имени, русской культуре — ущерб, который возрастал по мере углубления грузинского меньшевистского режима и который был и морально и практически тягостен, как уже было сказано выше, не только русским, но равно и другим национальностям Грузии, пользовавшимся большей свободой при прежнем русском режиме...

С бегством меньшевистского правительства и входом в Тифлис Красной армии в первые дни действительно царствовало убеждение, что “Россия вернулась”, что прошел национально-государственный мираж и под новыми знаменами Россия творит свой “империализм”... Повсеместно в эти дни грузинский язык исчез, точно спрятался. Почти не стало его слышно на улицах. Воззвание, приказы, объявление, театральные афиши — все писалось на одном русском языке, и те, которым был он дорог, все чаще повторяли, что русский язык — одно из завоеваний Красной армии.

Однако с въездом в Тифлис ревкома¹²⁸ Грузии пошатнувшееся было дело грузинской национализации стало быстро оправляться. Характерно заявление турецкого военного представителя в Тифлисе, который сказал: “Я не вижу, чтобы изменилась политика Грузии с переменой власти, разве только усилился грузинский шовинизм”...

Грузинское общество, оплакивавшее в меньшевиках более всего гибель грузинской национальной идеи, стало видеть в некоторых членах ревкома более ярких и активных проводников грузинского национального дела, борцов за него против русского духа, искони внушавшего грузинским националистам чувство панического ужаса и яростной злобы...

Вся политика ревкома стала определенно носить узко-грузинский характер»¹²⁹.

По свидетельству Сытина, произошедшее выступление армянских дашнаков было воспринято как нападение армян на грузин, а не на красных и повлекло за собой преследования армянского населения¹³⁰. Грузинский ревком относился к русскому населению как к пасынку (доклад № 20 от 26 апреля 1921 года)¹³¹.

Сытин выступал за единство Закавказья под властью России. Он прямо писал, что едва ли десятая часть грузинского населения Тифлиса была грамотна по-грузински

---

¹²⁸ Ревком — революционный комитет.

¹²⁹ ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 4. Л. 9–10.

¹³⁰ Там же. Л. 11.

¹³¹ Там же. Л. 17.

(в городе проживали 346 000 человек, включая 35 000 грузин, 147 000 армян и 91 000 русских). Генштабист заключал: «Какое же есть основание считать Тифлис грузинским городом и навязывать ему грузинскую власть»¹³². Тифлису, Баку и Батуму Сытин предлагал предоставить статус общекраевых вольных городов. Всего в Закавказье, по данным Сытина, находилось около полумиллиона русских, интересы которых особенно волновали бывшего генерала. Роль России в освоении Закавказья он считал выдающейся. Так, Батум на русские деньги из захолустной турецкой деревушки превратился в первоклассный порт. О том, кто, кому и что должен, не является ли Россия оккупантом в Закавказье Сытин писал в докладе № 23 от 30 апреля 1921 года (публикуется в приложении). Этот документ был подготовлен еще до советизации Грузии, но отправить его в центр Сытин смог только весной 1921 года. Наряду с глобальными вопросами переустройства региона Сытин занимался и сохранением культурного наследия: в частности, доклад № 19 от 26 апреля 1921 года касался вопроса о сбережении коллекций Кавказского музея¹³³.

В докладе № 24 от 30 апреля 1921 года (подготовлен в конце декабря 1920 года) Сытин писал об агрессивных действиях грузинских властей: закрытии газеты «Коммунист», арестах сотрудников русской миссии, непропуске грузов для Армении, аресте советского имущества, использовании Грузии Антантой¹³⁴. В том же документе военный атташе предлагал разорвать отношения с Грузией через 2–3 месяца, что в итоге и произошло¹³⁵. Вопрос об отношении к русским затрагивался и в докладе № 25 «Советизация Грузии», датированном 30 апреля 1921 года. В нем Сытин отметил, что «вражда к русским, беспричинное удаление с мест, придирки, униженья, гонения на все русское поколение (должно быть «население». — А.Г.), — все это являлось не единичным явлением, а как массовое явление — глубоко прискорбным и тягостным»¹³⁶. Грузию Сытин оценивал как хитрого и трусливого противника¹³⁷, отмечая, что страна внутренне разлагалась, однако советское наступление позволило это замаскировать¹³⁸. В период советизации, как отмечал атташе, прокатилась волна

¹³² ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 4. Л. 12об.

¹³³ Там же. Л. 15об.

¹³⁴ Там же. Л. 26об.

¹³⁵ Там же. Л. 28об.

¹³⁶ Там же. Л. 31.

¹³⁷ Там же. Л. 32об.

¹³⁸ Там же. Л. 31об.

арестов советских граждан, которых водили по улицам Тифлиса и торжественно ссылали в Кутаис. Возможно, через это прошел и сам Сытин¹³⁹.

Сытин писал: «С вступлением частей Русской Красной армии в Закавказье перед русской государственной властью стал вопрос о будущем устройстве края. Опыт истекшего трехлетия вполне, казалось, независимого существования Закавказья, доказывает с несомненностью, что край нуждается в помощи третьей силы как регулятора взаимоотношений грузин, русских, армян и племен мусульманских различного происхождения, населяющих край. Отсутствие такой беспристрастной третьей силы повлекло за собой в момент разгара национальных инстинктов трения, и межнациональные вопросы и по сие время остаются неразрешенными. Армяно-Грузинская война 1918 года, возникшая вследствие территориальных споров за Ахалкалакский уезд и южную часть Борчалинского, резня армян в Азербайджане, политическое унижение татар и армян в пределах Грузии, притеснение мусульман в Армении и, наконец, приниженное положение в политическом и экономическом отношениях русских во всем Закавказье явилось последствием создавшегося в крае нового устройства и отсутствия третьей, равно для всех авторитетной, власти. Экономические последствия такого разногласия в крае многочисленны. Грузия, имея в своем обладании Черноморские порты и транзитные к ним пути, по своему усмотрению и в интересах политического давления и с целью экономических поборов задерживала вывоз нефти из Баку и ввоз продовольствия в Армению, захватила все находящееся на ее территории русское, общекраевое и фронтное имущество, которое, естественно, было сосредоточено в общекраевом центре — Тифлисе (интендантское, союза городов, земское, арсенала, главных мастерских Закавказских желдором и прочее) и тем поставила две других республики в безвыходное положение за отсутствием в них всяких запасов и технических средств (Азербайджан кое-как справился, благодаря запасам и техническим оборудованьям, имевшимся в Баку, хотя и с затруднениями). Азербайджан не пропускал в Армению нефть и желдороды последней не могли правильно функционировать. Можно привести бесконечное число примеров, различных политических и экономических мероприятий, повлекших за собой обнищание народных масс, обострение экономического кризиса и главное межнациональных отношений»¹⁴⁰. Эти слова П.П. Сытина остаются актуальными.

---

¹³⁹ ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 4. Л. 32.

¹⁴⁰ Там же. Л. 11об.–12.

«Я избегал, — писал Сытин, — опасаясь обвинений в империализме, выдвигать русскую точку зрения на Закавказскую проблему. Между тем, Великий народ, давший по собственной воле подвластным ему народам право на самоопределение, не может допустить, что Закавказье стало ареной националистических страстей и иностранных интриг, направленных против России. Не может Россия допустить, чтобы Закавказье обратилось во вторые Балканы. И так как прошлое трехлетие доказало, что современная и полная независимость Закавказья означает его зависимость от других держав, Россия должна озаботиться восстановлением в новых формах своего законного влияния в Закавказье»¹⁴¹. Заслуги Сытина в сфере военной разведки были оценены по достоинству, а сам он с 1 мая 1921 года был прикомандирован к Разведупру Штаба РККА.

Деятельность П.П. Сытина на посту советского военного атташе в Грузии заслуживает самой высокой оценки. Направление опытного генерала-генштабиста (хотя и беспартийного) на эту работу полностью себя оправдало, принеся Советской России результаты, далеко выходящие за рамки освещения собственно грузинской территории. Несмотря на материальные трудности и недостаточный штат сотрудников, советский разведчик развил высочайшую активность, в короткий срок создал собственную агентурную сеть и начал снабжать центр важнейшими данными как о положении Грузии и Закавказья, так и шире — государств Причерноморья. Важнейшей составляющей работы Сытина стало освещение деятельности белых как в Крыму, так и на Северном Кавказе, что не только обеспечивало Москву важной информацией по самым разным вопросам, но также позволило заранее узнать о подготовке врангелевского десанта на Кубани, который на кавказском побережье был встречен частями РККА и разгромлен. Работа Сытина по выявлению связей белых с северокавказским повстанческим движением, думается, также вносила важный вклад в дело скорейшей ликвидации антибольшевистских повстанческих организаций. Данные Сытина о состоянии грузинской и армянской армий, о внутреннем положении закавказских республик сыграли свою роль в процессе советизации этих государств в 1920–1921 годах, а прогнозы Сытина о путях развития Закавказья и межнациональных отношениях сохраняют свою актуальность и по сей день.

---

¹⁴¹ ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 4. Л. 14.

Список источников и литературы:

1. Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 6. Оп. 4. Д. 937.
2. РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 85.
3. Центральный исторический архив Грузии (далее — ЦИАГ). Ф. 1874. Оп. 1. Д. 1.
4. ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 2.
5. ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 3.
6. ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 4.
7. ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 6.
8. ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 9.
9. ЦИАГ. Ф. 1969. Оп. 1. Д. 670.
10. ЦИАГ. Ф. 2030. Оп. 1. Д. 1.
11. *Безугольный А.Ю.* Демократическая республика Грузия и ее вооруженные силы. 1918–1921 // Вопросы истории. 2009. № 10. С. 87–101.
12. Белый десант на Кубани. Август 1920 / Сост. Д.И. Степанченко. Сан-Франциско; Краснодар: Сов. Кубань, 2000.
13. *Гамахария Ж., Гогия Б.* Абхазия — историческая область Грузии. Историография, документы и материалы, комментарии. С древнейших времен до 30-х годов XX века / Под ред. Т. Мибчуани. Тбилиси, 1997.
14. «Грузия очень недружелюбно относится к России» / Публ. В.Г. Оппокова // Военно-исторический журнал. 2002. № 6. С. 34–37.
15. *Карпов Н.Д.* Трагедия Белого Юга. 1920 год. М., 2005.
16. *Лежава Г.П.* «Дать каждому защиту закона»: вехи российско-грузинских отношений (конец XVIII — начало XX века). 2-е изд. М., 2012.
17. Материалы стратегической разведки РСФСР. Грузия. Данные о вооруженных силах и краткий обзор политического, экономического и международного положения Грузии (по состоянию к 1 января 1921 г.). М., 1921.
18. *Север А., Колпакиди А.* ГРУ. Уникальная энциклопедия. М., 2009.
19. *Соловьев М.* Предводитель для Веры. Константинопольские страсти контрразведки // Родина. 2011. № 6. URL: http://www.istrodina.com/rodina_articul.php3?id=4206&n=175 (07.04.2014).
20. *Шарадзе Г.* История грузинской эмигрантской журналистики: в 8 т. Тбилиси, 2005. Т. 6.
21. «Я убежденный сторонник Советской власти... мой прежний титул — граф...»: Злоключения К.А. Бенкендорфа в большевистской России. 1918–1924 гг. / Авт.-сост.:

В.Д. Тополянский, Н.А. Сидоров // Альманах «Россия. XX век». 2012. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1023492> (07.04.2014).

22. *Benckendorff C.* Half a Life: The Reminiscences of a Russian Gentleman. London: Richards Press, 1955.

Приложение

**Доклад П.П. Сытина начальнику Регистрационного управления
Полевого штаба РВСР «Взаимоотношения России и Грузии». 30 апреля 1921.¹⁴²**

Российская Социалистическая
Федеративная Советская
Республика
Полномочное
Представительство в Грузии
Военный Атташе
Апреля 30 дня 1921 г.
№ 155
г. Тифлис
Начрегиструппу при Полевом Штабе РВСР¹⁴³.
Секретно.
ДОКЛАД
№ 23.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РОССИИ и ГРУЗИИ¹⁴⁴.

Взаимоотношения Грузии и России в освещении Тифлисской прессы, устами грузинских ученых и ответственных политических деятелей получили удивительно тенденциозную, совершенно искаженную, не соответствующую действительности окраску.

С одной стороны, Россия изображается каким-то хищником, алчным грабителем, стремящимся без всяких оснований, вопреки всем законам, овладеть ничем не повинной страной, с другой, Грузия выставляется неповинной жертвой, носительницей и хранительницей высоких идеалов, отстаивающей их перед посягательством извне во имя блага всеобщей культуры.

Так как такого рода мнения, тем не менее, пользуются широкой распространенностью не только в Грузии, но и среди широких слоев всего населения Кавказа и даже среди иностранцев и редко кто ориентируется в этом вопросе, то поэтому необходимо было бы всесторонне осветить этот вопрос для выяснения истинного положения.

Прежде всего, необходимо было бы на основании точных цифровых данных и не подлежащих сомнению материалов выяснить принципиальный вопрос: в какой мере Грузия является должником России или больше Россия Грузии и составить на основании этого взаимный баланс.

¹⁴² ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 4. Л. 24–25об. Заверенный машинописный отпуск.

¹⁴³ Вписано от руки.

¹⁴⁴ Доклад этот был написан еще при существовании меньшевистского правительства в Грузии. П. Сытин (рукописная вставка).

Для лиц, знакомых с экономической и социальной жизнью Кавказа, совершенно ясно, что Россия сделала для Грузии весьма много, если не все.

Сравнивая Грузию с соседним Азербайджаном, мы видим, что в последнем есть целый ряд богатств, которые возникли помимо участия в них России, таковой является, например, культура хлебов, излишек которых Азербайджан вывозит, рис, шелководство, пожалуй, хлопководство и нек. др. Даже желдорога, в равнинной стране, не была, собственно говоря, органически нужна стране.

В Грузии мы видим совершенно другое: та же самая желдорога, проведенная в гористой стране, лишенной (в документе ошибочно — «лишенная». — *А.Г.*) удобных путей сообщения, является органически необходимой для развития страны, является крупным в нее вкладом, не говоря уже о том, что стоила громадных материальных затрат, массы труда и энергии.

Все, что создано в области земледелья, разработки горных богатств, словом все богатства теперешней Грузии — все это дело русского ума, русской энергии и русских капиталов. Сами грузины ничего не создали. Даже как наследье войны досталось Грузии от России миллиардное добро.

Грузия, со своей стороны, давала России подати и рекрутов, причем надо заметить, что и в этом отношении Россия охраняла Грузию от чрезмерного давления на нее со стороны мусульманского мира, и если Грузия в 1801 г. добровольно присоединилась к России, то, главным образом, чтобы избежать полного порабощения ее со стороны мусульман.

И вот, если мы подсчитаем взаимное «дебет» и «кредит», то обнаружится факт, что Грузия остается весьма и весьма большим должником России и, что она, порывая все связи с Россией и враждебно относясь к ней, поступает по отношению к ней как недобросовестный, нечестивый, выражаясь образно, желающий смошенничать должник.

Этот вопрос должен быть разработан беспристрастно, строго научно и весьма подробно, т. к. он ложится в основу понимания русско-грузинских взаимоотношений.

Дальше, для характеристики русско-грузинских отношений вообще следовало бы сопоставить отношение русских к грузинам в период могущества России с таковым же грузин к русским в настоящее время, точнее сказать, руководящих грузинских кругов и значительной части общества.

Никто не станет отрицать, что к грузинам в России относились всегда самым хорошим, дружеским, радушным образом, что в то время, как к другим народам Русской империи относились с некоторой недоверчивостью, к грузинам же относились

положительно, отдавая им предпочтение даже перед коренными русскими. Ни один народ не имеет такого долга благодарности к русским, как грузины.

Между тем, нужда среди русского населения Грузии достигла в настоящее время таких размеров, беззащитное, придирчивое и даже просто враждебное отношение к нему среди местного населения так сильно, волна шовинизма так велика — поистине и этот вопрос также должен подвергнуться освещению.

Для окончательного выяснения взаимных отношений Грузии к России необходимо было бы дать беспристрастную характеристику Грузинской Республики в настоящее время.

Внизу — темная, алчная масса жадного грузинского крестьянства, лишенная всякой идейности, стремящаяся коптить и выжать из городского населения все, что можно.

Выше — грузинское чиновничество, примостившееся к доходным местам, набивающее карман при показном патриотизме и под покровом безнаказанности распространившее до невероятности казнокрадство, взяточничество и своеволие.

Еще выше — руководящие верхи из имеретин, составляющие род касты, лично наживающие миллионы, ненавидящие Россию, отличающиеся невероятным самомнением, шовинизмом и империалистическими аппетитами.

Кроме них, поодаль, небольшая беспомощная кучка грузин или честных или же просто обедневших и лишенных почвы. Она примыкает к многочисленной группе городских жителей, почти исключительно русских, обедневших, нуждающихся, еле-еле терпимых, несмотря на то, что эта часть населения дает из среды своей почти исключительно специалистов во всех отраслях общественной и государственной жизни, работающих впроголодь без всяких видов на улучшение своей жизни.

Такое освещение данного вопроса, вполне беспристрастное, на основании строго проверенных материалов, позволило бы уяснить самым широким слоям населения Кавказа истинный смысл взаимных русско-грузинских отношений и дать им верную оценку.

Такое истинное и правдивое освещение фактов принесло бы пользу, вообще говоря и другим государствам, предоставляя им возможность ориентироваться в происходящих явлениях и давать последним беспристрастную и верную оценку, настоятельно необходимую при решении всех тех сложных социальных и экономических вопросов, получившихся в наследие от Великой Всемировой войны.

ГЕНШТАБА П. Сьтин

**Soviet Military Intelligence in Georgia in 1920–1921.
The Mission of Paul Sytin.**

Ganin, Andrey — Ph.D. in history, editor of military history department, «Rodina» historical magazine; senior research fellow, Institute of Slavic studies, Russian Academy of Science.
E-mail: andrey_ganin@mail.ru.

Annotation

The article on the basis of the archival data from Georgian and Russian archives introduced for the first time into scientific circulation deals with the history of the Soviet military mission of P.P. Sytin in Georgia and its intelligence activities in 1920–1921. The history of the mission is traced from its arrival in Georgia and up to the beginning of the sovietization process. The author examines several aspects of the problem, including organization of intelligence service, reconnaissance of the events in White Crimea, antibolshevist insurrection movement in the North Caucasus, policies of the Black sea region countries and international affairs.

Ключевые слова

Georgia, Civil war, P.P. Sytin, military intelligence.

References:

1. Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arhiv (dalee — RGVA). F. 6. Op. 4. D. 937.
2. RGVA. F. 37976. Op. 1. D. 85.
3. Central'nyj istoricheskij arhiv Gruzii (dalee — CIA G). F. 1874. Op. 1. D. 1.
4. CIA G. F. 1874. Op. 1. D. 2.
5. CIA G. F. 1874. Op. 1. D. 3.
6. CIA G. F. 1874. Op. 1. D. 4.
7. CIA G. F. 1874. Op. 1. D. 6.
8. CIA G. F. 1874. Op. 1. D. 9.
9. CIA G. F. 1969. Op. 1. D. 670.
10. CIA G. F. 2030. Op. 1. D. 1.
11. Bezugol'nyj A.Ju. Demokraticeskaja respublika Gruzija i ee vooruzhennye sily. 1918–1921. *Voprosy istorii*, 2009, 10, pp. 87–101.
12. *Belyj desant na Kubani. Avgust 1920* / Sost. D.I. Stepanchenko. San-Francisko; Krasnodar: Sov. Kuban', 2000.
13. Gamaharija Zh., Gogija B. *Abhazija — istoricheskaja oblast' Gruzii. Istoriografija, dokumenty i materialy, kommentarii. S drevnejshih vremen do 30-h godov XX veka* / Pod red. T. Mibchuani. Tbilisi, 1997.
14. «Gruzija ochen' nedruzheljubno odnositsja k Rossii» / Publ. V.G. Oppokova. *Voenno-istoricheskij zhurnal*, 2002, 6, pp. 34–37.
15. Karpov N.D. *Tragedija Belogo Juga. 1920 god*. Moscow, 2005.
16. Lezhava G.P. «Dat' kazhdomu zashhitu zakona»: vehi rossijsko-gruzinskih otnoshenij (konec XVIII — nachalo XX veka). 2-e izd. Moscow, 2012.
17. *Materialy strategicheskoi razvedki RSFSR. Gruzija. Dannye o vooruzhennyh silah i kratkij obzor politicheskogo, jekonomicheskogo i mezhdunarodnogo polozhenija Gruzii (po sostojaniju k 1 janvarja 1921 g.)*. Moscow, 1921.
18. Sever A., Kolpakidi A. *GRU. Unikal'naja jenciklopedija*. Moscow, 2009.

19. Solov'ev M. Predvoditel' dlja Very. Konstantinopol'skie strasti kontrazvedki. *Rodina*, 2011, 6. URL: http://www.istrodina.com/rodina_articulu.php?id=4206&n=175 (07.04.2014).
20. Sharadze G. *Istorija gruzinskoj jemigrantskoj zhurnalistiki*: v 8 t. Tbilisi, 2005. T. 6.
21. «Ja ubezhdenyj storonnik Sovetskoj vlasti... moj prezhnij titul — graf...»: Zlokljuchenija K.A. Benkendorfa v bol'shevistskoj Rossii. 1918–1924 gg. / Avt.-sost.: V.D. Topoljanskij, N.A. Sidorov. *Al'manah «Rossija. XX vek»*, 2012. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1023492> (07.04.2014).
22. Benckendorff C. *Half a Life: The Reminiscences of a Russian Gentleman*. London: Richards Press, 1955.